

Сундиев И.Ю., Фролов А.Б.

ТЕРМИНАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СКУЛШУТИНГА

Москва
2021

УДК 316.472.4
ББК 16.263.2
С898

Оглавление

Введение	4
1. Зарождение форм насыщающего террора и их адаптация к социально-территориальным особенностям нашей страны	6
2. Направления исследования скулшутинга и основные результаты в описании феномена терминальной деструкции	12
3. Характеристика личности скулшутеров	20
4. Морфофункциональные и психофизиологические особенности современной молодежи (популяционный дизонтогенез как средство направленной деструкции социума)	27
5. Понятие и виды терминальной деструкции молодежи	34
6. Информационно-цифровая природа формирования молодежных групп терминальной деструкции	38
6.1. Виртуальная игра как инструмент реальной деструкции	41
6.2. Феномен Alternate Reality Games — игры в альтернативной реальности	47
7. Трансформация глобального управления как основной фактор перехода к терминальной деструкции субъектов и объектов социума	63
8. Цифросетевые структуры как угроза государственному строю	73
Заключение	90
Глоссарий	93
Приложение 1	99
Приложение 2	100
Приложение 3	109
Приложение 4. Распределение совершенных и предотвращенных актов скулшутинга по территории Российской Федерации за 2014–2020 гг.	111
Приложение 5	114
Источники	116

РПП ИНЭС ИД Р 21111

ISBN 978-5-93618-299-0

© Сундиев И.Ю., Фролов А.Б., 2021
© ИНЭС, 2021

Введение

В XXI в. мировое противоборство приняло формы глобальной гибридной войны, в которой используется не столько кинетическое оружие, направленное на физическое уничтожение людей и материальных ценностей, сколько иные виды оружия: когнитивное, информационное, организационное, социальное. Эти виды оружия базируются на развитии цифросетевой среды и позволяют целенаправленно *проводить социальную деструкцию с помощью трансформации структуры личности человека*.

В условиях настоящего социального экстремума, обостренного пандемической и постпандемической реальностью, особую значимость для всех групп населения приобретают социальные сети и новые массмедиа как основные каналы получения жизненно важной информации. При этом уровень доверия к таким источникам у молодежи максимален (Марков, 2020). Как следствие у потребителей этой информации падает возможность сформировать свою версию происходящих событий: человек начинает жить в рамках навязанных ему интерпретаций. Таким образом, информационная война в условиях социального экстремума не только не стихает, но и приобретает новые, более изощренные формы.

Важно отметить растущую *медиазависимость различных проявлений терроризма и экстремизма*: прогресс в медиатехнологиях меняет их природу, формы, оптимизирует методы вербовки, а также усиливает степень деструктивного влияния на общество (Берк, 2016). При этом важнейшим фактором становятся технологии формирования *деструктивного контента*¹ и методов его распространения. Основным инструментом здесь являются реальные и, особенно, *виртуальные группы*, в которые вовлекаются молодые люди. И главным методом терминальной деструкции

является использование нетрадиционных средств радикализации и террора, трансформация под террористические задачи игровых технологий, социальный инжиниринг.

Одной из форм терминальной деструкции является *скулшутинг (расстрелы в школах и колледжах)*: модерация через цифросетевые ресурсы регулярных и географически разнесенных террористических акций, широко освещаемых в традиционных и новых медиа.

Группы деструктивной направленности являются пластичной и потому крайне опасной средой, провоцирующей к антиобщественному и преступному поведению, что представляет угрозу как для самих участников объединений, так и для социальной стабильности в целом. Тематические группы в социальных сетях, содержащие призывы к насилию², возбуждающие вражду в отношении представителей различных этнических групп, способствуют формированию противоправной мотивации подростков, вовлечению их в *деструктивную деятельность*³.

Согласно экспертным оценкам (Касперский, 2019), именно посредством сети Интернет несовершеннолетних подталкивают к участию в террористических и экстремистских акциях, приучают к криминальной субкультуре, к сексуальным девиациям, склоняют к суициду, *скулшутингу, кибербуллингу* (морально-психологическое насилие над несовершеннолетним), вовлекают детей и подростков в наркопотребление.

Этот перечень *форм деструктивной деятельности* расширяется по мере развития интернет-ресурсов. По данным ООН, более миллиона детей и подростков в мире ежегодно подвергаются различным формам посягательств, в том числе совершаемых посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий.

В связи с этим криминологический, психофизиологический и психосоциальный анализ сложившихся форм терминальной деструкции молодежи и является важным шагом на пути повышения эффективности правоохранительной деятельности в современных условиях, а также системной профилактики этих антисоциальных феноменов.

² В качестве отечественного примера см. в Приложении 1.

³ См. Глоссарий.

¹ См. Глоссарий.

Наиболее оптимальной формой в данном случае нам представляется анализ от частных проявлений к общесоциальным. В качестве первичного компонента выбран феномен деструктивного молодежного движения «Колумбайн» (скулшутинг)⁴, приобретающий распространение в нашей стране и представляющий максимальную социальную опасность как адаптивная форма насыщающего террора. В качестве обобщающего компонента приведены исследования различных сетевых (цифросетевых) организаций, на структурном принципе которых может осуществляться деструктивное воздействие на власть, государство и федеральные органы исполнительной власти.

1. Зарождение форм насыщающего террора и их адаптация к социально-территориальным особенностям нашей страны

В 2005 г. С. Переслегин (Переслегин, 2005) описал концепцию «насыщающего террористического нападения», которую он связывал со стратегией противостояния Европы и Среднего Востока: «Суть операции состоит в организации на территории европейского противника ряда террористических актов, направленных исключительно на уничтожение мирного населения. При желании можно «прикрыть» силовым «зонтиком» важнейшие военные и промышленные объекты, можно обеспечить охраной политическое и военное руководство, но ни армия, ни спецназ, ни госбезопасность не в состоянии защитить все детские сады, школы, больницы и родильные дома (приводится наиболее вероятный список объектов-целей)». Реализацией этой стратегии стала «Интифада ножей», начавшаяся в 2015 г. на землях Палестины. Начиная с 2016 г. мигранты, проживающие в европейских странах, начали нападать на коренных жителей с холодным оружием, нанося им тяжелые ранения. Иногда внезапные акты агрессии сопровождались криками «Аллах Акбар!», иногда — бранью. Параллельно в евро-

пейских странах начались серии умышленных наездов автомобилей на группы отдыхающих граждан⁵. Как выяснялось в ходе последующих расследований, за рулем этих автомобилей, как правило, находились мигранты; все нападавшие состояли в радикальных сетевых сообществах.

В информационной среде их именуют *ингамаси* («волки-одиночки»). В медийном пространстве ингамаси — это один человек или небольшая группа террористов, действующих автономно в выборе времени, места (как правило) и орудий уничтожения. Главный принцип «технологии ингамаси» — *через сетевую модерацию в любой нужной точке пространства и времени можно выявить психически неадекватного индивида и подготовить его для совершения теракта: помочь выбрать цель, подобрать доступное для него оружие, определить место и время для совершения преступления*. Помогают в созревании боевика-ингамаси и выборе средств собеседники по социальным сетям. Первичный отбор боевиков-ингамаси ведется в автоматическом режиме с помощью Big Data по месту, роли, степени и направленности уже имеющейся «фоновой» радикализации. После уточнения психологического профиля начинается индивидуальная подготовка («накачка») к действию конкретного индивида, приуроченному либо к обозначенной «символической» дате, либо как ввод в общее поле насыщающего террора в стране-мишени. Так, в выпущенном летом 2016 г. проигиловской хакерской группой «Объединенный киберхалифат» (United CyberCaliphate) размещен прямой призыв к совершению убийств «неверных» в качестве «мести за мусульман»: «О львы-одиночки, разбросанные по всему миру! Убивайте крестоносцев, где бы вы их ни встретили, за их войну против ислама и муджахидов. Убивайте их решительно. Убивайте их жестоко».

Для совершения одиночных атак сторонникам МТО ИГИЛ было рекомендовано использовать любые доступные средства — ножи, топоры, автотранспортные средства, огнестрельное оружие и т.д. При этом

⁴ См. Глоссарий.

⁵ Ницца (14 июля 2016 г.) и Берлин (19 декабря 2016 г.) стали первыми европейскими городами-мишенями, несколько позже — Лондон, Стокгольм и Барселона.

Рисунок 1. Скан интерфейса с подробными инструкциями по индивидуальному подбору орудий убийства для «волков-одиночек»

рекрут может персонифицироваться как от конкретной террористической организации, так и от своего имени — индивидуально. «Технология ингамаси» стала развиваться одновременно и в русле радикального ислама, и в русле ультранационализма (фашизма), что говорит об универсальности технологий терминальной деструкции — вне зависимости от религиозных, политических, экономических и других факторов регуляции.

В России за последние годы также было совершено несколько подобных нападений «волков-одиночек» (террористический акт на Джемикентском посту ГИБДД в Дагестане 15 февраля 2016 г., нападение на пост ДПС в Московской области 17 августа 2016 г., ножевая атака в городе Сургуте 19 августа 2017 г.). Резонансный случай имел место 18 февраля 2018 г. в городе Кизляре Республики Дагестан, где местный житель расстрелял из охотничьего оружия прихожан, вышедших из православной церкви. Позже в сети Интернет было опубликовано видео, на котором исполнитель теракта принес присягу («байат») лидеру запрещенной в России террористической организации «Исламское государство» (далее также МТО ИГИЛ) Абу Бакру Аль-Багдади. Важный момент: ингамаси не следует отождествлять с суицидальным террором. Значительная часть боевиков-ингамаси в странах Европы либо успевали скрыться с места преступления, либо с фанатичным спокойствием сдавались полиции.

«Концепция ингамаси» не нашла (и не могла найти) широкого распространения в нашей стране, но для целей насыщающего террора оказалась вполне пригодна другая деструктивная сетевая террористическая технология — *скулшутинг*. Скулшутинг отвечает всем признакам террористической деятельности, в частности: а) предусматривает организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта (расстрела или иного способа массового убийства учеников, учителей и работников школы); б) подстрекательство к массовому убийству; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации массового убийства, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов (лиц, участвующих в террористической деятельности); д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации массового убийства; е) пропаганду идей массовых убийств, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению массовых убийств либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности. Медийное сопровождение подготовки и осуществления актов скулшутинга, включая непосредственно онлайн-видеосцены массовых убийств (и самоубийства скулшутера), модерированы через социальные сети. Там же, через сетевые сообщества, желающие приобретают экипировку, постеры, фотообои и другие элементы *субкультуры скулшутеров*⁶. Модерация сетевых сообществ скулшутеров осуществляется по той же схеме, что и у боевиков-ингамаси. Особенность нашей страны — низкая плотность населения при практически повсеместной доступности высокоскоростного интернета — делает скулшутинг идеальным инструментом для насыщающего террора в провинции, т.е. на большей части территории страны.

Скулшутинг — *специфическая терминальная форма насыщающего террора*, базирующаяся на цифросетевых технологиях, которая позволяет обеспечить повсеместный охват населения страхом, инду-

⁶ См. в Приложении 3.

Рисунок 2. Инфографика, иллюстрирующая высокую доступность и плотность (насыщенность) интернет-ресурсов на территории РФ

цировать социальное напряжение и дискредитировать органы государственного управления как на региональном, так и на федеральном уровне их организации, особенно в небольших провинциальных городах (с численностью около 100 тыс. населения)⁷ и поселениях.

Если в больших, «миллионных» городах с высокой плотностью населения основным видом радикализма и терроризма являются уличные протестные акции и точечные террористические акты, то для разрушения «спокойной жизни» небольших поселений и городков (с критически низкой плотностью населения) наиболее чувствительным является именно скулшутинг.

Социально-психологические связи людей в городах-миллионниках и в инфраструктуре малых городов России существенно различаются: в провинции они более долговременны, прочны (в том числе в радиусе 50 км, как правило, находится множество дальних и близких родственников, закрепляющие их через образование семей), все друг у друга

⁷ В настоящее время в городе Керчи, где был совершен акт скулшутинга в Политехническом колледже в 2018 г., проживает 151 548 человек (2020 г.); в городе Казани, где произошел расстрел школьников и преподавателей И. Галявиевым в мае 2021 г., проживает 1 257 341 человек (2021 г.).

на виду, все акты поведения обсуждаются: «Чихнул на одном конце деревни, а на другом откликаются». Особое внимание старших в поселениях направлено на подрастающее поколение (14–18 лет): это наша надежда и смена, это будущее родного края.

Поэтому адресный терминальный удар с помощью акта скулшутинга (возможный и в больших городах) все же направлен в основном на федеративные субъекты. Из диаграммы на рис. 3 видно, что основной массив актов скулшутинга (как предупрежденных, так и совершенных) приходится в России на города с населением от 1 до 500 тыс. человек — почти в два раза чаще, чем в городах-миллионниках (от 1 млн), включая мегаполисы Санкт-Петербург и Москву.

Если акт преступления не удастся предупредить и он совершается, то модераторами достигаются все «классические» цели террористического акта:

- широкое (резонансное и глобальное) медийное освещение акта убийства (и самоубийства), включая выкладывание в Сеть видеорегистрации с камер наблюдения непосредственного совершения преступления

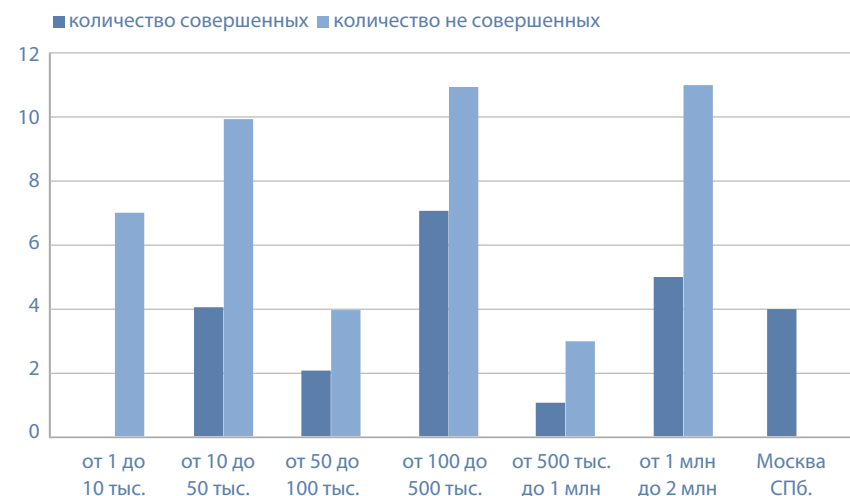

Рисунок 3. Распределение совершенных и предотвращенных актов скулшутинга по размеру населенных пунктов в Российской Федерации за 2014–2021 гг. (см. также в Приложении 4)

(онлайн-съемка и трансляция действий самих скулшутеров). Например, элементы записи с технических камер видеонаблюдения Политехнического колледжа в городе Керчи Республики Крым до сих пор выложены в различных сетях, в том числе акт самоубийства скулшутера В. Рослякова, а в современном сервисе для мобильных гаджетов TikTok несовершеннолетние продолжают восхищаться И. Галявиевым, совершившим акт скулшутинга в Казани в мае 2021 г.;

- деструкция социальных связей и нанесение терминальной психотравмы жителям города или поселения (друзья, родственники, знакомые): память о совершенном нападении навсегда остается как социально-психологический стигмат в коллективном сознании населения. Нагнетание тревожного фона — негативного тона: превращение поселения в «территорию страха»;

- нанесение репутационного удара по структурам местного и федерального управления («куда ж вы смотрели?»), по силовым структурам, по администрации учебных заведений и самим педагогам (даже если нападение удалось предотвратить);

- демонстративная (под камеру) самоликвидация (суицид) самих нападавших, смерти и ранения товарищей по учебе и педагогов: особенность провинциальных социальных связей — «все друг друга знают».

Таким образом, скулшутинг, насаждаемый и модулируемый международными цифросетевыми ресурсами, является важнейшим инструментом насыщающего террора, направленного против нашего народа и государства.

2. Направления исследования скулшутинга и основные результаты в описании феномена терминальной деструкции

Т.к. само явление скулшутинга появилось в США, наибольшее количество разнообразных его исследований проведены именно там. Сложившиеся подходы к исследованию скулшутинга можно разделить на три категории (Давыдов, Хломов, 2018):

1. Поиск факторов риска.

Исследователи пытаются обнаружить сигналы опасности в четырех сферах: семья, личность, социальная динамика, школьная динамика.

2. Применение патопсихологических теорий.

Выявление различных психологических заболеваний. Предполагается, что преступников можно разделить на три типа: психопаты, психотики и травматики. Предполагается, что психопаты не чувствуют эмоциональной связи с другими людьми и не могут испытывать чувства вины, а также угрызений совести. Психопаты могут испытывать наслаждение от причинения боли другим — например, мучают животных. Психотики же страдают от разрыва с социальной реальностью и склонны испытывать глубокое чувство отличия от других, ощущая себя изгнанниками. Травматики в анамнезе жизни зачастую были подвержены эмоциональному, физическому или сексуальному насилию.

3. Использование социально-психологических, социологических и культурологических теорий:

- Например, распространенный в США культурный стереотип, что оружие может решить проблемы, провоцирует инциденты скулшутинга.

- Также считается, что насильственное содержание компьютерных игр и медиа формирует установки на применение оружия.

- Не стоит исключать роль воздействия школьного окружения на подростка, совершившего преступление: насмешки, запугивание, социальная изоляция.

- Не менее важную роль играют гендерные стереотипы и мужская идентичность. Так, например, в условиях гомофобии у подростка, которого запугивают и дразнят, может появиться желание показать другим, что он «настоящий мужчина», посредством насилия (Kimmel & Mahler, 2003).

Вид учебных заведений, в которых произошли вооруженные нападения, варьируется от начальной школы до университетов (Robinson et al., 2016). Только за период 1999–2018 гг. в разных странах произош-

ло, по различным оценкам, от 28 до 264 подобных инцидентов (Harper, Ryberg & Temkin, 2018). Большинство из них совершено в США, меньше — в странах Европы (Malkki, 2014).

К. Ньюманом была предложена *комплексная теория скулшутинга, состоящая из пяти «необходимых, но недостаточных факторов»* (Newman, Fox, Roth, Mehta & Harding, 2004):

1. Самоощущение социальной изоляции, восприятие себя изгоем.
2. Наличие психологических расстройств или трудностей (не обязательно психических заболеваний).
3. Распространенность социокультурных сценариев, в которых насилие является средством решения проблем.
4. Отсутствие системы, позволяющей выявлять школьников, склонных к скулшутингу.
5. Доступность оружия.

По мнению Дж. Левина и Э. Мадфиса, *школьник, склонный к скулшутингу, подвергается последовательному воздействию пяти факторов, которые потенцируют психологическую «деформацию»:*

1. *Хроническая деформация психики*, которая основана на глубоких жизненных разочарованиях (например, в отношениях с родителями или одноклассниками) и недостаточностью систем просоциальной поддержки, что приводит к социальной изоляции. Хроническая деформация может продолжаться несколько лет. Зачастую проблемы взаимоотношений с социумом не видны со стороны, а семьи потенциальных преступников часто воспринимаются окружающими как вполне благополучные.

2. *Неконтролируемая деформация* возникает при отсутствии корректирующего воздействия социальных отношений. В благополучных условиях те, кто не нашел поддержку в школе, могут обратиться к семье, к спортивному коллективу или к группе сверстников вне школы, но для лиц, слабо включенных в социальные отношения, механизм конформизма перестает действовать, что приводит к потере контроля со стороны социума.

3. *Острое напряжение* проявляется в возникновении краткосрочного травмирующего события (острая деформация), которое может

быть как реальным, так и воображаемым. Например, «потеря лица», провал в успеваемости, акт унижения, отвержение со стороны девушки или бойкот сверстников.

4. *Стадия планирования* — развитие мыслей и фантазий о скулшутинге как о «мужском решении», позволяющем восстановить чувство контроля над социальной реальностью.

5. Стадия осуществления преступления.

Статистика совершенных актов скулшутинга показывает, что 81% нападений были совершены одиночками (McCauley & Moskalenko, 2014). Средний возраст преступников скулшутинга варьируется от 13 до 19 лет.

В этом возрасте подросток испытывает кризис идентичности, предполагающий серию социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификаций и самоопределений (Эриксон, 1996).

Акт скулшутинга является символическим, он совершается с целью «отправить сообщение» для более широкой аудитории, чем круг непосредственных жертв. Как правило, преступник оставляет видеоили письменные записи, в которых он объясняет причины своего поступка (Malkki, 2014).

В некоторых случаях финалом скулшутинга является суицид или направленное провоцирование перестрелки с полицией как акта «скрытого» самоубийства.

Исследователи выделяют *основные сигнальные признаки для возможности предупреждения скулшутинга:*

1. Как правило, нападающие — лица мужского пола, ранее подвергавшиеся буллингу (травле), бойкоту или издевательствам одноклассников.

2. Наиболее четким прогностическим критерием готовности подростка к насилию является наличие у него антиобщественных черт личности наряду с выраженными признаками депрессии (Ferguson et al., 2011).

3. Настораживающим маркером может являться приобретение плакатов с изображениями «стрелков-колумбайнеров», прочтение книг и просмотр фильмов, посвященных оружию, регулярные посещения оружейных сайтов, приобретение непосредственного опыта обращения с огнестрельным оружием на стрельбищах и в тирах.

4. Создание странички в Сети, на которой обсуждаются случаи расстрелов, размещаются видео со стрельбой, песни с агрессивным содержанием (типа «Вся жизнь — это война, и вся жизнь — это боль, и ты будешь один вести свою личную войну»)⁸.

5. Различные свидетельства о мыслях насильственного характера.

В 81% случаев накануне преступления подросток сообщал кому-либо о своем намерении совершить нападение, предупреждал школьных товарищей об опасности (Ferguson et al., 2011).

Среди организационных причин подобных происшествий можно выделить направленность учителей и администрации исключительно на академические занятия, а не на удовлетворение и распознавание социальных и эмоциональных потребностей учеников.

Школьные социальные работники и психологи должны помочь разочарованным в себе и в обществе подросткам найти место в обществе, ведь многие из них считают, что они его не имеют. Индивидуальная работа школьной администрации направлена в основном на недисциплинированных и отстающих учеников, а сравнительно тихих подростков со средней академической успеваемостью оставляет без внимания, но ведь как раз они и затевают стрельбу (Фокс, Хардинг, 2005).

Обсуждение возможностей профилактики стрельбы в школе с помощью заградительных барьеров и охранного персонала ведется и в России. При этом отмечается, что охранники обычно не готовы к нападению, да и силами охраны школы предотвратить подобное практически невозможно. Единственным вариантом, который мог бы реально стать препятствием для скулшутинга, является тотальный досмотр и допуск в образовательные организации по аналогии с системой безопасности аэропортов, что в условиях большого числа школ в России является нерациональным и фактически нереализуемым. Таким образом, действующая профилактическая работа должна быть направлена не на имитацию охраны, а на воспитательную и социальную работу с учащимися, которая позволит обнаружить возможность совершения насильственных действий и оказать своевременную психологическую помощь подростку (Глухарев, 2014).

Каждый акт скулшутинга значительно увеличивает вероятность его повторения посредством «психического заражения». Сообщается, что в США инцидент является «заразным» в среднем в течение 13 дней и вызывает, также в среднем, по меньшей мере 0,22 новых инцидента (Towers, Gomez-Lievano, Khan, Mubayi & Castillo-Chavez, 2015). В публикациях также отмечается, что СМИ должны уделять меньше внимания личности преступника, его девиантным мотивам и описанию техники нападения (Dahmen, 2018). Нужно сообщать больше о последствиях преступления. В целом здесь применимы принципы освещения в СМИ случаев суицидов, позволяющие избежать «эффекта Вертера»⁹ (Meindl & Ivy, 2017).

В течение 18 месяцев после каждого акта скулшутинга наблюдается заметный рост психических расстройств или обострения существовавших ранее психических расстройств у жертв и непосредственных свидетелей нападения (Seguin et al., 2013). Ряд исследований описывает различные аспекты нарушения психического здоровья, такие как краткосрочный дистресс (Vicary & Fraley, 2010), неадекватные копинг-стратегии и общий психологический дистресс, появление различных *посттравматических стрессовых расстройств (ПТСР)*¹⁰. Они могут проявляться у уязвимых учащихся (Littleton, Axsom & Grills-Taquechel, 2011). Отмечается, что травматические воздействия усиливались в связи с действиями полиции, которая искала возможных сообщников и опрашивала свидетелей, в то время как все ученики стремились быстрее покинуть школу и вернуться домой (Seguin et al., 2013).

Один из самых крупных исследовательских проектов по теме нападений на школы осуществлен в 2002 г. Секретной службой США в сотрудничестве с Министерством образования США. Это исследование получило название «Инициатива «Безопасная школа» (Vossekuil, Fein, Reddy, Borum & Modzeleski, 2002).

В России и США исторически сложился различный подход к огнестрельному оружию и доступу к нему, поэтому большинство случаев на-

⁹ См. Глоссарий.

¹⁰ См. Глоссарий.

⁸ Отечественный пример см. в Приложении 1.

падений в российских школах связано с применением холодного оружия либо самодельной взрывчатки (хотя самые громкие эпизоды в Москве и Керчи — как раз с применением огнестрела). Кроме того, в Российской Федерации и США системы образования и системы социальных отношений в учебных заведениях различны. Все это не позволяет полностью перенести американскую модель скулшутинга на российскую почву.

Таблица 1. Характерологические черты скулшутинга в Российской Федерации и произошедшие нападения

Дата	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
03.02.2014	Школа №263, город Москва	Малкалиберная винтовка, один нападавший, двое погибших взрослых (педагог, охранник), один раненый взрослый (полицейский)	Задержан, направлен на принудительное лечение по решению суда
14.04.2014	Школа №39, город Санкт-Петербург	Один нападавший, один пострадавший взрослый (педагог)	Задержан, направлен на лечение
15.12.2014	Школа №4, город Брянск	Пневматическое оружие, один раненый ученик	Задержан
18.03.2016	Школа №3, город Находка	Нож, один нападавший, один погибший ученик	Совершил самоубийство
19.03.2016	Колледж индустрии №23, город Москва	Нож, один нападавший, один пострадавший	Задержан
11.02.2017	Школа №1, город Нижнекамск	Пневматическое оружие, один ученик погиб	Задержан
12.05.2017	Школа №2, город Усинск	Пневматическое оружие, один раненый ученик	Задержан
05.09.2017	Школа №1, город Ивантеевка	Пневматическое оружие, топор, один нападавший, пострадало три ученика и один взрослый (педагог)	Задержан
25.10.2017	Школа №85, город Волгоград	Нож, один нападавший, один погибший ученик	Задержан

Таблица 1. Продолжение

Дата	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
01.11.2017	Политехнический колледж №42, город Москва	Нож, один нападавший, один погибший взрослый (педагог)	Совершил самоубийство
17.11.2017	Школа №48, город Нижний Новгород	Нож, один нападавший, один пострадавший ученик	Задержан
28.11.2017	Школа №1, город Высоковск	Нож, один нападавший, один пострадавший	Задержан
08.12.2017	Школа №4, город Иркутск	Нож, один нападавший, один пострадавший ученик	Задержан
15.01.2018	Школа №127, город Пермь	Ножи, двое нападавших, ранено девять учеников и один взрослый (педагог)	Задержаны
17.01.2018	Школа в деревне Смольное	Нож, один нападавший, один пострадавший ученик	Задержан
19.01.2018	Школа в поселке Сосновый Бор	Топор, бутылка с зажигательной смесью, один нападавший, пострадали шестеро учеников и один взрослый (педагог)	Задержан
18.04.2018	Школа №1, город Стерлитамак	Нож, один нападавший, один пострадавший ученик	Задержан
10.05.2018	Филиал Новосибирского колледжа транспортных технологий, город Барабинск	Гладкоствольное охотничье ружье, трое пострадавших студентов колледжа	Совершил самоубийство
17.10.2018	Политехнический колледж, город Керчь	Огнестрельное оружие, взрывные устройства, один нападавший, погибло пятеро работников колледжа и 16 студентов, включая нападавшего, ранено 67 человек	Совершил самоубийство
28.05.2019	СОШ №4, поселок Большевик Саратовской области	Топор, зажигательные смеси, один нападавший, одна пострадавшая (ученица)	Задержан

Таблица 1. Продолжение

Дата	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
14.11.2019	Амурский колледж строительства и ЖКХ, город Благовещенск	Гладкоствольное ружье, один нападавший, три раненых студента, один убитый студент	Совершил самоубийство
12.10.2020	город Нижний Новгород	Два гладкоствольных ружья, один нападавший, трое убитых, трое раненых	Совершил самоубийство

Сведения о предотвращенных нападениях см. в Приложении 2, табл. 3

3. Характеристика личности скулшутеров

Построение профиля личности школьного «стрелка» является одной из самых популярных тем научных публикаций (Kimmel & Mahler, 2003). Зачастую СМИ распространяют образ «стрелка» как социально некомпетентного одиночки, испытывающего постоянные насмешки от сверстников и играющего в жестокие видеоигры. В реальности, однако, можно выделить множество индивидуальных особенностей у нападавших (Ferguson, Coulson & Barnett, 2011). В докладе, опубликованном Секретной службой США, признается, что не существует точного социально-психологического портрета ученика, подготавливающего нападение (Prior Knowledge of Potential..., 2008).

Вместе с тем решение этой прогностической задачи в отношении террористов-одиночек оказалось более успешным, нежели в отношении «обычного» террориста, действующего в группе (McCauley & Moskalkenko, 2014). Вероятно, поведение «одиночек» описывается более-менее ограниченным числом личностных предикторов. Каковы же общие черты у лиц, совершивших нападение в школах? Прежде всего во всех описанных случаях (за исключением одного) нападавшими являлись лица мужского пола. Чаще всего они были представителями этнического большинства. Возраст нападавших — обычно между 13 и 19 годами (Malkki, 2014). Почти две трети нападавших (63%) воспитывались в полной семье, многие из них хорошо учились (Prior Knowledge of Potential..., 2008). В большинстве случаев школы, в которых происходили инциденты, находились в пригородах или сельских районах со сравнительно низким уровнем насильственных преступлений (Rocque, 2012).

С точки зрения криминологии характеристики школьных «стрелков», данные выше, необычны, поскольку они противоречат общим тенденциям преступности (Rocque, 2012). Следует отметить тот факт, что более половины лиц, совершивших вооруженные нападения в школах, имели опыт обращения с оружием вне прохождения военной службы (McCauley & Moskalkenko, 2014).

Часто обсуждается проблема, страдают ли нападавшие психическими заболеваниями. Обычно каждое подобное происшествие подробно комментируется в СМИ врачами-психиатрами, которые предсказуемо связывают его с психопатологиями. Однако многие исследователи приходят к выводам, что изученные преступления редко обусловлены психопатологическими и психиатрическими причинами (McCauley & Moskalkenko, 2014; Spaaij, 2010). Обзор истории 27 молодых (средний возраст — 17 лет) массовых убийц, проведенный Дж. Мелой с коллегами, показал, что, хотя 23% из них обращались к психиатрам, лишь 6% были признаны невменяемыми на момент совершения ими массовых убийств (Melo, Hempel et al., 2001). Общий вывод можно сформулировать так: *хотя большинство массовых убийц являются условно нормальными в медицинском (психиатрическом) смысле, при этом они имеют выраженные психологические проблемы* (Spaaij, 2010).

Действительно, многие лица, совершившие вооруженное нападение в школах, страдали выраженной депрессией хотя бы раз в жизни (Spaaij, 2010), причем у 61% «стрелков» наличие депрессии было отражено в медицинских документах (Ferguson et al., 2011). По другим данным, пребывали в депрессии, испытывали отчаяние или имели суицидальные помышления около 78% совершивших нападения в школах США (Ferguson et al., 2011; McCauley & Moskalkenko, 2014).

Значительное внимание исследователи уделяют поиску у школьных «стрелков» конкретных мотивов, часто сопоставляя их с мотивами

Рисунок 4. Характерный внешний вид субъектов групп деструктивной направленности (из постеров колумбайнеров), одетых в футболки с ключевыми словами-символами скулшутинга: «ненависть», natural selection («естественный отбор»), wrath («гнев»)

террористов-одиночек. Хотя в последние десять лет школьные расстрелы все чаще сопровождаются политическими заявлениями (Malkki, 2014), все же такие «идейные» мотивы, как, например, «белое» расовое превосходство, исламский фундаментализм, сепаратизм и т.д., выглядят наименее убедительными. Кроме того, существует огромный разрыв между приверженностью радикальным взглядам и вероятностью совершения актов насилия (McCauley & Moskalenko, 2014).

Наиболее вероятными мотивами школьных «стрелков» чаще называют мысли о насилии. Часто эти фантазии вызревают несколько лет, прежде чем реализуются в конкретных насильственных действиях (Robertz, 2007). Следует учесть, что мысли о насилии являются нормальной психологической реакцией на обиду. Однако в патологических случаях они сохраняются в течение ряда лет и со временем все более детализируются (Sraaij, 2010). Допросы некоторых убийц, проводимые ФБР, показали, что фантазии сначала появлялись спонтанно, потом

становились все более и более навязчивыми и наконец захватывали все психическое пространство, побуждая к действиям. Часто к мыслям о насилии добавлялись мысли об избранности и исключительности, позволяющей вершить судьбы других людей и т.п. Как правило, подростки не раскрывают своих планов сверстникам, однако по мере приближения к моменту совершения намеченной ими акции они начинают проговариваться одноклассникам, а также делиться мыслями о задуманном в социальных сетях. Этот весьма типичный и очень важный сигнал не должен остаться незамеченным.

Другими часто выделяемыми мотивами школьных «стрелков» являются: обида, фрустрация, жажда мести. Здесь проявляется сходство с совершеннолетними преступниками, совершившими массовые убийства, многие из которых на протяжении долгих лет страдали от разочарования, унижения и неоднократных неудач (Aitken, Oosthuizen, Emsley & Seedat, 2008). В результате у таких людей часто наблюдается снижение самооценки, что может приводить к депрессии и экстернализации вины — восприятию всех окружающих в качестве причин его проблем и неудач (Fox & Levin, 2003). Перед нами предстает образ жестокого ребенка, сходный с образом серийного убийцы: от несправедливости он освобождается с помощью нападения и убийства в одном взрывном символическом акте (Douglas & Olshaker, 1997).

Чаще всего обида и жажда мести связаны с отношениями в среде сверстников. Отмечается, что более 80% лиц, совершивших нападение на школу, испытывали психологическое давление, подвергались издевательствам, групповой травле, побоям или даже были ранены (Leary, Kowalski, Smith & Phillips, 2003; McCauley & Moskalenko, 2014). Автор книги о школьных расстрелах Дж. Клейн называет буллинг главным предиктором школьных расстрелов (Klein, 2012). В некоторых случаях у подростков обострялось чувство несправедливости, когда они сравнивали себя с более богатыми и привилегированными сверстниками. Обиды подростков могут быть связаны и с такими аспектами, как жажда признания, низкая оценка со стороны окружающих («меня никто не ценит») и низкая самооценка, а также пессимистическим отношением к своему будущему. Поскольку обиды часто возникают в школь-

ной среде, в мыслях о мести действие тоже обычно разворачивается в школе. Однако необходимо прислушаться к выводам ряда исследователей, которые свидетельствуют, что издевательства и игнорирование со стороны сверстников приводят к расстрелам в школах не столь часто, как принято считать, — примерно в 50% случаев (Weatherby et al., 2010).

Следующий фактор в формировании комплекса школьного «стрелка» — это отсутствие тесной сети дружеских отношений: школьных «стрелков» чаще можно охарактеризовать как одиночек. Обычно это тихони, которые часто уклоняются от общения со сверстниками (Robertz, 2007; Spaaij, 2010; Vossekuil et al., 2002; Robertz, 2007).

В то же время многие из тех, кто совершил нападение, характеризовались как имеющие множество контактов со своим окружением. Лишь 12% не имели близких друзей, а 34% были социально изолированными (Vossekuil et al., 2002). Эти цифры выше средних в соответствующей возрастной группе, однако они никоим образом не указывают на универсальную тенденцию (Ferguson et al., 2011). В некоторых случаях такие люди выглядели вполне коммуникабельными и даже пользовались уважением среди сверстников (Fast, 2008). Почти половина «стрелков» были вовлечены в социальную жизнь вне школы (спортивные команды, клубы по интересам, дополнительное образование и религиозные группы; Vossekuil et al., 2002). Однако большая часть «стрелков» (71%) считали себя жертвами издевательств или преследований. При этом в 75% случаев жертвам никто не угрожал напрямую, т.е. главным фактором формирования мыслей о насилии было качество школьного климата (Twetlow et al., 2002). Эта особенность может свидетельствовать о том, что субъективное восприятие нападавшего играет более важную роль в ситуации с насильственными действиями, нежели реальное положение дел в школьном коллективе (Ferguson et al., 2011).

Еще одним часто упоминаемым мотивом школьных «стрелков» является желание подражать широко известными преступлениям. Тема моделирования поведения сообщениями СМИ является дискуссионной. Однако есть несомненная зависимость между публикациями СМИ и разными формами девиантного насильственного поведения под-

ростков и молодежи (суициды, уличные погромы и др.). Скорее всего, такая связь имеет место и в случае школьных расстрелов (Newman & Fox, 2009). В научной литературе приводится несколько случаев, когда подростки-убийцы сообщали, что знают примеры аналогичного поведения и хотели быть «еще круче», превзойти своих предшественников (например, убить еще большее количество человек). Один из наиболее значимых примеров, достоверно оказавший влияние на 16 из 27 исследованных школьных расстрелов, — это «колумбайнский стрелок» (Malkki, 2014). Следует учесть, что СМИ могут не оказывать прямое влияние на поведение, но давать пищу для мыслей о насилии. Стрелки-подражатели часто носят аналогичную одежду и выбирают то же оружие, что и у их «героев».

Также неоднозначна оценка влияния компьютерных игр — «стрелялок». Ряд исследователей отмечают, что нападающие копируют героев компьютерных игр, например, а также их вооружение. Выяснилось, что обращение к продукции массмедиа, содержащей образы насилия, среди школьных «стрелков» было типичным для молодых людей этого возраста, а в некоторых случаях даже меньше (Giles, 2003). Действительно, только 15% «стрелков» проявляли выраженный интерес к жестоким видеоиграм, поэтому ряд исследователей считают, что нет достоверного подтверждения прямого воздействия игр на психику (Ferguson et al., 2011). Иными словами, компьютерное игровое насилие само по себе вряд ли является значимой причиной агрессивного поведения «стрелков».

Рисунок 5. Скрин переписки с сайта колумбайнеров — обсуждение моды на камуфляжную одежду

Более глубокий аспект рассмотрения проблемы насилия — это учет «ценности» насилия как инструмента социальной деструкции. Культура насилия в современном обществе является заметным фактором агрессивного поведения молодежи (Davydov, 2015). 37% школьных «стрелков» писали эссе, стихи, вели блоги и т.п., в которых можно заметить проявление их интереса к насилию¹¹. *Высказывается предположение, что школьные «стрелки» росли в среде, где насилие воспринималось как один из главных способов получения признания и уважения* (Ferguson et al., 2011).

Важной вехой на пути к планированию и осуществлению нападения на школу является острое негативное переживание, испытываемое подростком (юношей) и выступающее катализатором или триггером, провоцирующим акт агрессии (Fox & Levin, 2003). Почти все лица, совершившие нападение (98%), испытывали какие-либо крупные потрясения перед инцидентом (Ferguson et al., 2011) — например, нежелательное расставание, финансовые потери, конфликты в семье и/или чрезмерное издевательство (Aitken et al., 2008; Douglas & Olshaker, 1997; Fox & Levin, 2003). По мнению Г. Дуве, человек, который уже испытывает злость, отчаяние и чувствует себя преследуемым, может рассматривать расставание с любимым человеком, ссору с другом или утрату в семье как потерю «последней соломинки» (Duwe, 2004). Этот эффект называют «разморозкой» (unfreezing) — прежние чувства и отношение ко многим вещам изменяются. В результате может возникнуть кризис идентичности — человеку кажется, что его поведение в прошлом, мысли и желания были ошибочными. Потеря статуса и разрушение отношений могут делать более легким переход к радикальным действиям, поскольку «терять нечего» (McCauley & Moskalenko, 2014). К сожалению, несмотря на видимые переживания потери и выраженную депрессию, большинство школьных «стрелков» не получили вовремя специализированную психологическую помощь (Ferguson et al., 2011).

4. Морфофункциональные и психофизиологические особенности современной молодежи (популяционный дизонтогенез как средство направленной деструкции социума)

Лонгитюдные исследования, проводимые с конца 80-х гг. XX в., зафиксировали стадийное «катастрофическое нарастание патологических феноменов в детской популяции» — различных форм делинквентного и девиантного поведения — «в целом учебную и социальную неуспешность», а также ухудшение состояния здоровья школьников (Семенович, 2007). «Патологические стигматы» в детской популяции стали статистически накапливаться у нижней границы нормы, поражая специалистов своим разнообразием (количество клинических случаев психоневрологических заболеваний при этом увеличилось незначительно): и некоторые из них обобщались в силу выраженных признаков, например в «синдроме гиперактивности с дефицитом внимания» (проиллюстрирован мультфильмом «Маша и Медведь»).

Действительно, родители этих школьников драматически переживали *аксиологический кризис* (им принудительно поменяли морально-нравственные ценности), произошло *разрушение социального государства*; одновременно в моду вводили *комфортное ведение родов* с помощью *кесарева сечения* или местного обезболивания — *спинальной и эпидуральной анестезии* (приводит к тому, что у детей впоследствии не разворачиваются *информационно-голографические экраны* (ИГЭ)¹² — морфологические структуры головного мозга человека, на которых происходит процесс информационного взаимодействия между внутренней информационной средой человека с внешней, социокультурной средой, имеющей в норме императивное значение). С конца 90-х гг. XX в. стали доступны персональные компьютеры и появился бытовой Интернет, распространились компьютерные игры-

¹¹ См. Приложения 1, 3.

¹² См. Глоссарий.

«стрелялки»: исследователи проблем психоэмоционального стресса вычислили, что «количество получаемой человеком информации возросло более чем в 30 раз» (Судаков, 1998), и стали продвигать *теорию информационного стресса*, просто и понятно объясняющую, что изменения в популяции связаны с невиданным доселе возрастанием количества информации, в основном негативной, а дети не играют на улице и «сидят в компьютерах».

Экстремальные социально-психологические процессы не могут вызывать поломки ведущих механизмов развития популяции, т.к. сами являются следствием квантового скачка в развитии социальных систем (что достоверно подтверждают наблюдения за взрослой и детской популяцией на протяжении глобальных социальных эксцессов начала и середины XX в.; Сундиев, 2006).

Если до начала 90-х гг. XX в. у 80% от общего числа российских школьников наблюдалось *запаздывание в развитии височных и лобных структур левого полушария* (регулируют речь, письмо и счет), то начиная с 2000-х к вышеперечисленным отклонениям от нормы у 70% школьников добавилась *органопатология — деструкция базисных подкорковых структур и стволовых систем*, прежде всего *ретикулярной формации* (ответственных за вегетативную саморегуляцию физиологических функций и высшие психические функции; Семенович, 2007). У современных дошкольников дизонтогенез уже добрался до базисного «соединительнотканного» ИГЭ-экрана (на котором взаимодействуют «информационные молекулы» — гормоны, олигопептиды и др.), т.е. до разрушения гормональной и органно-тканевой регуляции — видимой деструкции (диспластики) «тела». Без нормального функционирования этих структур здоровье, социализация и дальнейшая жизнь в обществе, включая продолжение рода, невозможны.

Важно, что *патологические стигматы малозаметны в состоянии психологического комфорта*, но тут же проявляют себя при нормативных и особенно при пиковых учебных и физических нагрузках — ребенок впадает в ступор либо демонстрирует агрессию. Точно такие же дизонтогенетические явления в детской популяции на границе миллениума проявили себя и на Западе — ведь этот процесс был глобаль-

ным. Консервация сложившегося миропорядка (с попыткой построения архитектуры однополярного мира) стала насаждаться потому, что международные *образовательные стандарты так называемой болонской системы были переориентированы не на нормальное развитие детской популяции, а на фиксацию нарастающей скрытой патологии*.

Учебно-образовательные программы были упрощены и нацелены на создание комфортной для среднего школьника психологической среды (в которой патологические стигматы выдавали себя минимально): теперь педагогам предписывалось заинтересовывать (развлекать) ребенка, а нагружать и ругать было строго запрещено. *Болонская система институционально закрепила доминирование патологических явлений как социокультурную норму, пытаясь решить задачу прекращения социогенетического развития. Показательно, что явления скулшутинга получали свое распространение в школах различных государств по мере укоренения и глобального распространения единых стандартов болонской системы.*

Но главная хитрость болонской системы заключается в том, что нескорректированные вовремя «стигматы» у детей незаметно переходят во взрослую популяцию: «след дизонтогенеза, безусловно, нестираем» (Семенович, 2007). При этом и ребенок, и взрослый, если социальная среда остается комфортной, выдают приемлемый этологический фасад — стандартную «речевую продукцию», т.е. человек опознается окружающими как условно нормальный член социальной группы (общества).

Для того чтобы сомневающиеся психологи, педагоги, медицинские работники и родители могли внутренне принять дизонтогенез как новую социокультурную норму, для них была разработана умозрительная *теория поколений X, Y, Z*¹³: «Миллениалы» и «зеты» — они просто другие: милые, своеобразные и даже «альтернативно одаренные».

Но патологический дизонтогенез в популяции проявил себя в популяции и через описательные признаки.

¹³ См. Глоссарий.

Во-первых, это *ограничение в целенаправленной деятельности* (целеполагании и самоорганизации), отсюда *невозможность нормального взаимодействия в социальной группе*. Живое общение этих детей со сверстниками вызывает у них неосознаваемые трудности, но, если его вести через технический посредник (гаджет-коммуникатор), проблема легко решается. Так, невозможность принятия социальных ролей — как роли лидера, так и роли подчиненного в реале — компенсируется участием в компьютерной игре, где это легко реализуется в рамках стандартного сюжета. Еще один патологический признак — невозможность анализа и синтеза информационно-смысловых конструктов: «игреки» и «зеты» не понимают переносных значений и игру слов, не воспринимают юмор и не смеются над анекдотами и шутками (опять же заменяя их в виртуале мемами и демотиваторами; Щербакова, 2019).

Во-вторых, это *утрата эмпатии* — «эмоционального сострадания» (восприятия чужой боли, физической и душевной, как своей собственной); эмпатия — важнейшее свойство для формирования морально-нравственных качеств личности, без которых общество не может развиваться. Сюда же можно отнести и повышение порога тактильной и болевой чувствительности (вплоть до клинических феноменов нечувствительности к физической и душевной боли): толстокожесть, непробиваемость, черствость, реализуемые в поведении школьников как буллинг и троллинг. Именно поэтому поток «чернухи» из средств цифровой коммуникации не воспринимается ими как шоковый стимул, не отторгается, не игнорируется. Утрата эмпатии приводит к потере социально-исторической субъектности — неспособности индивида соотносить результаты своей деятельности с достижениями предшествующих поколений (и на этой основе формировать образ будущего).

В-третьих, это *трансформация пассионарной энергии в непосредственную деструкцию*. Для многих родителей X-поколения, переживших собственные проблемы с «улицей» в 90-е, сидящий дома отпрыск-«зет» — просто подарок судьбы: это не только безопасно, но и чрезвычайно удобно. А еще в семье не возникает конфликта поколений, нивелируется проблема отцов и детей. Но зато в такой теплой среде и при подключении к сети Интернет есть все предпосылки

для психического вызревания мотивационно-потребностной базы различных форм терминальной деструкции.

В-четвертых, это *снижение либидо* (либо инверсия и патологические влечения), вызванное незрелостью, а значит, функциональной недостаточностью различных отделов головного мозга (особенно ретикулярной формации). Если X и Y были «живчиками», то Z не проявляют непреодолимого интереса к противоположному полу. Они не стремятся к семейной жизни, тем более не стремятся заводить детей — это им просто неинтересно и даже противно. Отсюда — популярность среди них движения *childfree*.

В-пятых, это *перенаправление эвристики и творческих способностей в виртуальную область*: для того чтобы создавать социально значимые информационно-смысловые конструкты, требуется координация полушарий мозга. Но верифицировать образы в социально приемлемой форме — чрезвычайно сложная функция, которая может быть сформирована только в школе (сочинения, рефераты, изложения по памяти, заучивание наизусть стихотворных текстов, правил и т.д.). Современная школа от всего этого отказалась. Гораздо проще когнитивный конструкт транслировать не в социум, а в качестве смыслового суррогата сразу помещать виртуальную среду: например, вместо архитектурного обоснования и расчета проекта городского квартала подвесить красивую 3D-картинку.

В-шестых, это *упрощенное представление о реальности*: поскольку отсутствует необходимая дифференциация в ИГЭ-экранах, то и картина мира строится из малого количества пикселей, а не предстает в качественном, высоком разрешении. Поэтому такой ребенок, а потом и взрослый не видит проблем в любой области: целеполагание не работает, а огрубленный образ цели (составленный из малого числа пикселей) долго не удерживается вниманием: возникает эффект Даннинга — Крюгера¹⁴ (Kruger, Dunning, 1999). Мир делится на черное и белое, на плохих и хороших, на своих и чужих — такое упрощение социальных явлений закономерно приводит к радикализации поведения.

¹⁴ См. Глоссарий.

В-седьмых, это *психологическая лабильность*: из-за недоформированности «тормозных центров» лобных отделов склонность к социальным девиациям, суициду, агрессии (Douglas Fields, 2020). Поскольку девиации скомпенсировать невозможно (перенести нагрузку на другие сопряженные отделы мозга), «онижедети» легко вовлекаются в деструктивные процессы, точнее, становятся орудием для социальной деструкции (Хогг, 2019).

В этом проявляется еще один патологический феномен, характерный для «зетов» — возникновение *«роевой» неспецифической (нечеловеческой) субъектности*. Недостаточность функций ИГЭ-экранов компенсируется формами сетевого взаимодействия (используются современные средства электронной коммуникации — интернет-мессенджеры). Перестать быть субъектом социума, а стать узлом в Сети — чрезвычайно комфортно, поскольку социально значимые потребности не формируются, а значит, не возникают отрицательные эмоциональные состояния (возникновение социально значимой потребности сопровождается дисфорией, а удовлетворение потребности — положительной эмоцией). «Роение в Сети» — альтернативная (или факультативная) форма психосоциального существования подобных индивидов, которая компенсирует несформированность функций целеполагания и контроля: поэтому роением и его отдельными узлами можно легко управлять (отсутствует индивидуальный фильтр критического отношения к информации). *Именно эмоционально нестабильные, легко внушаемые представители поколений Y и Z, находящиеся под полным влиянием средств цифровой коммуникации, стали основной ресурсной базой экстремистских и террористических организаций.*

Сеть — несистемное построение, она является антагонистом *функциональной системы* (ФС)¹⁵ — ведущего способа системной организации структур и процессов различных уровней нашей реальности. Узел в Сети (индивид как элемент роя) *не обладает социальной субъектностью: голова как бы имеется, а биологические и психосоциальные*

свойства, необходимые для вовлечения его в системную деятельность социума, изменены, отсутствуют и/или не воспроизводятся.

Традиционно при описательном анализе свойств «зетов» в качестве причины формирования их асоциальных свойств называется виртуальная среда: «Общие черты поколения Z, воспитанные виртуальным миром, — это неспособность воспринимать человеческие эмоции и чувства других, неумение налаживать дружеские контакты со сверстниками, погружение в себя, любимого, граничащее с эгоцентризмом, полное отсутствие чувства коллектива и особенно быстро прогрессирующий инфантилизм (Пустовойтова, 2020). Но напомним: Интернет создавался для дистанционного общения ученых, т.е. для пересылки друг другу информационно-смысловых конструктов высокого уровня сложности, а прообразы первых чатов разрабатывались для коллективного обсуждения научных материалов. Уже подготовленная информационная среда идеально подошла для организации «роения», и дальше ста-

Таблица 2. *Взаимосвязь патофеноменов развития и новых форм девиантного поведения*

Новые формы девиантного поведения поколений	Патофеномены развития
Буллинг	Отсутствие эмпатии
Троллинг	Перенаправление эвристики и творческих способностей в виртуальную область, отсутствие эмпатии
Колумбайн, скулшутинг	Отсутствие эмпатии, невозможность нормального взаимодействия в социальной группе, психологическая лабильность
Суицидальные квесты	Психологическая лабильность
Убер-терроризм	Психологическая лабильность, отсутствие эмпатии, невозможность нормального взаимодействия в социальной группе, упрощенное представление о реальности
Протестные акции и флешмобы	Психологическая лабильность, упрощенное представление о реальности
Чайлдфри, гомосексуализм и др.	Снижение либидо, инверсия либидо

¹⁵ См. Глоссарий.

ла развиваться уже с учетом потребностей «роевой субъектности» (развитие различных мессенджеров). Интернет-сеть не является причиной дизонтогенеза человеческой популяции, она, как и каждое техническое средство, может быть адресно использована для какой-либо целевой задачи: поэтому *сначала дизонтогенез, потом компенсация и замещение отклоненных от нормы биологических и социальных функций с помощью цифровых high-tech- и high-end-технологий.*

Стадийное усиление дизонтогенетических явлений в популяции синтонно совпало с тремя другими значимыми факторами: прохождением обществом постиндустриального барьера (развитие автоматизированных производств на границе 1990-х гг. стало гарантированно обеспечивать витальные функции всего человечества), созданием глобальной цифровой платформы (обеспечением возможности мобильного коммуницирования через виртуальную реальность) и, наконец, значительным смещением плотности населения к городским агломерациям. Таким образом, впервые за всю наблюдаемую историю уровень гарантированного обеспечения витальных функций, безопасности и коммуникативных возможностей достиг таких характеристик, которые позволили индивидам с нестираемыми следами дизонтогенеза — как детям, так и взрослым — выживать в специфической комфортной среде.

5. Понятие и виды терминальной деструкции молодежи

Каждый человек независимо от возраста входит в различные социальные группы, играет свою социальную роль.

Выделяют различные виды социальных групп в зависимости от численности (малые и большие), характеру взаимодействия (первичные и вторичные), факту существования (номинальные и реальные), способу организации и регулирования взаимодействия (формальные и неформальные). В современных условиях необходимо указать на реальные группы (в которых присутствует непосредственный контакт и взаимодействие между членами) и виртуальные (сетевые образова-

ния, контакт и взаимодействие в которых обеспечивается цифровыми технологиями).

В зависимости от целей деятельности группы классифицируют на конструктивные и деструктивные. Термин «деструктивный» — (лат. destructio) в буквальном смысле означает «разрушительный, неплодотворный». С точки зрения теории социальных групп *деструктивное поведение — это поведение, которое направлено на разрушение социальных структур и процессов и как следствие влечет за собой негативные социальные последствия* (Большая российская энциклопедия, т. 8, 2007). Для молодых людей участие в деятельности различных деструктивных групп является либо средством самовыражения, способом привлечь к себе внимание, либо искренним желанием сделать окружающий мир «лучше». Либо они не осознают тот факт, что подобная деятельность может оказаться разрушающей, либо считают, что без нее невозможно исправить существующие в обществе недостатки. *Пример: в качестве мотива участия молодежи в протестных акциях назывались «хайп», «движуха» (самореализация) — 37–48%; пассивные мотивы — 18–22%; способ заработка — 12–14%* (Наумова, 2017).

Деструктивное поведение имеет множество проявлений, направленных как на самого человека, так и на материальные и нематериальные объекты внешнего мира. Внутренние формы деструктивности — это суицидальные наклонности, пагубные пристрастия, нехимические зависимости патологического характера. К целям деструктивного поведения, направленного на предметы внешнего мира, как правило, относят:

- уничтожение живых существ;
- сознательное нарушение общественных отношений;
- нанесение ущерба природной среде или различным материальным объектам.

Деструктивными можно назвать следующие формы поведения:

- антисоциальное (направленное против социума);
- аддиктивное¹⁶ (являющееся следствием зависимости как от пагубных веществ — алкоголя, наркотиков, сигарет, так и от игровых автоматов или компьютерных приложений);

¹⁶ См. Глоссарий.

- суицидное (направленное против самого себя);
- фанатическое (слепое, безоговорочное следование убеждениям; доведенная до радикальности приверженность каким-либо идеям, верованиям или воззрениям, обычно сочетающаяся с нетерпимостью к чужим взглядам и убеждениям);
- нарциссическое (завышенная самооценка);
- аутическое (характеризуется замкнутостью в себе, сложностью в построении доверительных отношений с людьми, а также агрессивностью и проявлением негативизма к окружающему миру);
- конформистское (принятие или отвержение определенного стандарта, мнения, свойственного группе, мера подчинения индивида групповому давлению; Злоказов, 2016).

По критерию последствий от деструктивного поведения можно выделить две основные формы: отклоняющееся от нормы и антиобщественное противоправное поведение человека, воплощенное в его проступках (действиях или бездействии), наносящих вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом (Змановская, 2014). Отклоняющееся от нормы поведение личности — это прежде всего устойчивое поведение, отличающееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся социальных норм.

Таким образом, сущность деструктивных групп определяется наличием мотива к саморазрушению и/или мотива, направленного на разрушение традиционных, общепринятых социальных ценностей и норм.

В рассматриваемое понятие входят деструктивные культы и деструктивные секты. *Деструктивные культы* — это группы и организации, использующие техники разрушения личности адептов для вербовки, манипулирования и удержания своих членов; они осуществляют тотальный контроль мыслей, чувств и поведения своих приверженцев с целью удовлетворения различных интересов лидеров (Аниськина, Муллахметова, 2019).

Часто деструктивный культ является основой для формирования различных сект. *Секта* — это организация, провозглашающая религиозные цели, но отделяющая себя от традиционных религиозных конфессий. В специальной юридической литературе к деструктивным отно-

сят крайние формы тоталитарных сект, принуждающих своих адептов совершать убийства и самоубийства, а также акты членовредительства (Дворкин, 2014).

Помимо культовых организаций существуют неформальные движения деструктивного характера, разрушающие личность молодого человека, подменяющие его понимание традиционных ценностей (Егорова, 2011).

На основании вышеизложенного можно предложить следующее определение понятия «деструктивная группа». *Деструктивная группа — это разновидность объединения людей, существующая в реале или «виртуале», чья практика признается компетентными социальными институтами деструктивной в отношении: личности в данном обществе, психического и/или физического здоровья, гарантированных прав и свобод человека, самого социума, его сложившейся традиционной структуры, культуры, норм общественного порядка, ценностей и образа жизни.*

К основным признакам деструктивных групп следует отнести:

- закрытость группы. Цель закрытости — придать оттенок исключительности и эксклюзивности информации;
- регулярное осуществление групповых мероприятий;
- наличие лидера, который обычно претендует на уникальность и непогрешимость суждений. Как правило, существует некий ближний круг, который активно поддерживает такого лидера;
- претензия на исключительность группы (мы лучше, мы сильнее);
- уверенность в том, что групповые интересы и цели выше индивидуальных;
- утверждение, что цель оправдывает средства (поощрение асоциального и противоправного поведения);
- общие внешние признаки (прическа, одежда, украшения, сленг);
- ослабление связей с семьей, прежними друзьями;
- замещение личных интересов групповыми интересами и ценностями.

В настоящее время существует большое количество то возникающих, то исчезающих деструктивных групп, в деятельность кото-

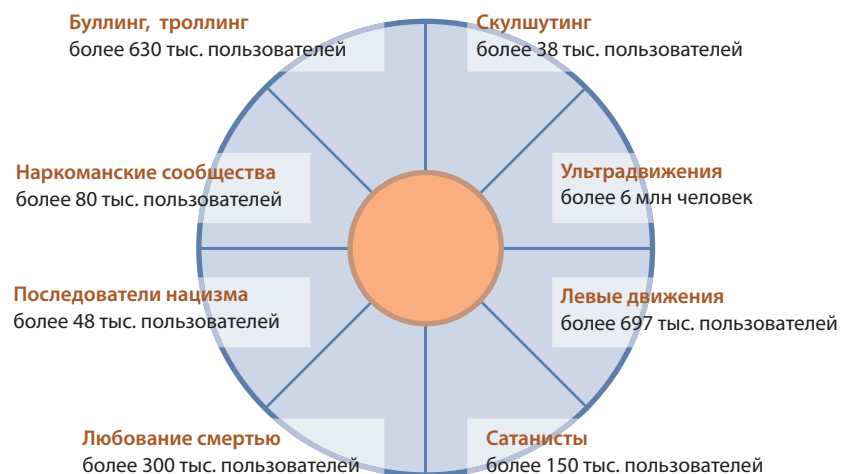

Рисунок 6. Структура деструктивной деятельности подростков (терминальной деструкции) в цифросетевом сегменте

рых вовлечены лица подросткового возраста. При этом деструктивная деятельность расширяется, обрастая новыми рисками, прямо пропорционально техническому и информационному прогрессу, прежде всего технологическому развитию социальных сетей. Именно деструктивные группы являются основным функционалом насыщающего террора.

6. Информационно-цифровая природа формирования молодежных групп терминальной деструкции

Основной причиной примыкания пассионарной части молодежи к деструктивным формированиям является недовольство существующими порядками и неприятие навязываемого устрашающего образа будущего (отсутствие социальных перспектив). Единственный тезис, в котором хоть как-то сходятся даже политически разноплановые адек-

ватные эксперты, заключается в том, что возврат к старому миропорядку невозможен. Нельзя заново «пересобрать» классический социализм, классический либерализм или классический фашизм. Предлагаемый либералами вариант будущего должен родиться в результате экстравагантного смешения архаичных моделей управления и современных технологий («элитам» — техносингулярное бессмертие, «быдлу» — электронные концлагеря).

Для подготовки сознания молодежи к проектируемому будущему, по крайней мере ее самой активной, пассионарной части, широко используются сетевые методы, регулируемые и модерируемые из внешних по отношению к нашей стране источников через YouTube, Instagram, Facebook, ВКонтакте, Telegram, а также посредством кинопродукции Голливуда.

Социальные сети, точнее сетевая форма организации как новый способ динамического коммуницирования¹⁷ (в сетевой структуре, как *децентрализованной структуре* по определению, отсутствует выраженный центр — доминант), позволяет различным по формальному признаку субъектам объединяться и коммуницировать по «мультипараметрическому» принципу — т.е., оставаясь формально и структурно разнородными, действовать однонаправленно. Опасность и эффективность такого синтонного деструктивного воздействия на социум значительно выше, чем у традиционных криминальных способов организации.

Сетевая организация (разветвленная самовоспроизводящаяся сеть) на основе современных информационно-коммуникационных технологий делает всю деструктивную среду единой («перепрошивает» ее новой формой интеграции), где каждый ее субъект де-юре действует обособленно от других, а де-факто — вступает с ней в «мультипараметрическое» взаимодействие. В результате новая форма информационной организации деструктивной среды, соответственно, приобретает новую субъектность — единую, с более высоким уровнем ее структурной организации, позволяющим, с одной стороны, становиться менее

¹⁷ См. Глоссарий.

Рисунок 7. Уровни социальной деструкции

заметной в правовом поле, а с другой — мгновенно развивать новые формы, подбирая наиболее эффективные способы деструкции социума (вчера «Синие киты», а сегодня — «Колумбайн»).

Вышеописанная сетевая структура фактически является новым социальным (точнее — антисоциальным) субъектом, возникающим на более высоком уровне сложности системной организации социума. Свойства этой сетевой структуры отличны от свойств классической криминогенной среды прежде всего своей высокой деструктивной эффективностью и способностью мутировать — пластично перестраиваться, находя все новые динамичные формы структурной организации.

Основным инструментом насыщающего террора стала цифровая среда с ее возможностью объединения молодых людей в сюжетно связанную совместную деятельность.

6.1. Виртуальная игра как инструмент реальной деструкции

Первоначально такими сюжетами становились компьютерные игры различных уровней сложности. С начала 90-х гг. начался процесс стыковки технологий виртуальной реальности с сетевыми технологиями. Первая такая реализация воплотилась в форме массовых многопользовательских сетевых ролевых игр (MMROPG). Получились обитаемые виртуальные миры, в которые можно заходить, перемещаться, действовать и искать приключений. В таких коллективных играх можно воспринимать других глазами своего персонажа, общаться с другими людьми через их персонажей, а также формировать команды. Главная проблема — какой мир и какая реальность предлагается в качестве поля взаимодействия. Виртуальная реальность может способствовать разрушению исторической памяти (как, например, Blitzkrieg), выключать эмпатию (Counter-Strike), формировать установки на исключительно насильственные способы решения любых жизненных ситуаций (Manhunt). Сформировалась весьма своеобразная субкультура геймеров, часто теряющих границы между онлайн и офлайн.

Еще до выхода популярной игры Call of Duty: Modern Warfare 2, выпущенной в 2009 г. компанией Activision, вокруг нее возник скандал, когда благодаря утечке материалов стало известно, что в ней игро-

Рисунок 8. Обложки компакт-дисков популярных игр (<http://caponier.ru/category/global-strategy/rts/>; <http://caponier.ru/blickrig-3-v-razrabotke/>)

ки могут присоединиться к группировке российских ультранационалистов, планирующих открыть огонь по пассажирам в аэропорту. 24 января 2011 г. аэропорт Домодедово, интерьеры которого используются в указанной игре, стал местом реальной атаки террористов-смертников.

В качестве актуального примера использования компьютерных игр для трансформации исторической памяти населения можно привести игру «Компания героев – 2» (Company of Heroes 2), выпущенную летом 2013 г. канадской компанией Relic Entertainment и посвященную событиям на Восточном фронте Второй мировой войны. В ней советские войска изображены в крайне негативном виде: они проявляют трусость и жестокость (добывают пленных, сжигают деревни с мирными жителями и т.д.), используют своих солдат как пушечное мясо, широко применяют заградотряды для пресечения дезертирства с поля боя и т.д. Например, в одной из миссий игры всплывает подсказка: «Не бойтесь жертвовать новобранцами. Советская доктрина базировалась на том, что для достижения тактических или стратегических целей это вполне допустимо». Главный герой — один из командиров Советской армии — находится по сюжету игры в ГУЛАГе, откуда и вспоминает «кровавые события» Великой Отечественной войны. При этом важно отметить, что разработчики игры заявляли о ее исторической достоверности. Однако иные оценки дали российские геймеры: «Совершенная неправда, полная фальсификаций истории России и ее методов войны». Ознакомление с официальным трейлером игры и ее видеообзором подтверждает справедливость данного мнения.

Первым зафиксированным случаем использования компьютерных игр в «цветных» революциях стала игра Republic on Revolution (2003 г.), в русском переводе «Новистрана», которая повествовала о ненасильственной революции в одной из стран бывшего СССР, а многие ее эпизоды были очень похожи на «полезные советы» из книги Джина Шарпа «198 способов ненасильственного свержения власти». Выручка от продажи игры не окупила затрат. Но через год в Украине действительно произошли аналогичные сюжету игры события, и игровая оранжевая эмблема превратилась в оранжевые банты и флажки.

Рисунок 9. Republic: The Revolution — компьютерная игра в жанре 3D-стратегии, разработанная Elixir Studios

Еще одним примером компьютерной игры, используемой для обучения тактике протестных действий, является стратегическая игра «Мощная сила» (A Force More Powerful, AFMP), выпущенная в 2006 г. Ее разработчики — Международный центр ненасильственного конфликта (International Center on Nonviolent Conflict — ICNC) и американская медиакомпания «Йорк-Циммерман» (York Zimmerman и BreakAway Games). При выходе игры было заявлено, что AFMP — это «первая и единственная игра, обучающая методам влияния или изменения политической обстановки ненасильственными способами. Она предназначена для использования активистами и лидерами сопротивления и движений оппозиции. Игра также расскажет СМИ и общественности о потенциале ненасильственных действий и послужит инструментом для моделирования и исследований ненасильственного сопротивления». Игра учит, что для свержения авторитарных лидеров требуется выносливость, долгосрочная стратегия и хорошо взвешенные решения. Компьютерная игра представляет собой пошаговую стратегию по управлению организацией сопротивления властям. Игра также содержит редактор «стран» и «диктаторов». На сайте поддержки имеются

Рисунок 10. Стратегическая игра A Force More Powerful, AFMP.
Перед игрой вышли одноименные документальный фильм и книга
(<http://www.aforcemorepowerful.org/>; <http://www.membrana.ru/particle/476>)

руководства по организации революционной деятельности, резистопедия. Имеется англоязычный форум поддержки, где можно обмениваться приобретенным опытом.

Игру высоко оценили реальные, а не виртуальные «революционеры». Как заявил Иван Марович, один из основателей сербской радикальной группы студенческого сопротивления «Отпор», борющейся против правительства Слободана Милошевича, «игра поможет оппозиции больше, чем кино или литература, поскольку активисты смогут моделировать различные ситуации и опробовать различные стратегии прежде, чем испытать их в действии. Да и с компьютером человек проводит больше времени, чем с кино или книгой».

Любопытно, что американские разработчики включили и Россию в список стран с историческими прецедентами такой борьбы.

Но классическим примером реализации соединения онлайн- и офлайн-реальностей против нашей страны стала «Большая игра», в кото-

рой игроки совершали различные действия одновременно в онлайн и офлайн. В декабре 2007 г. П. Хомяков и «Северное Братство» (СБ) заявили о создании ими интернет-сайта «Большая игра «Сломай систему», причем анонс открытия сайта появился не только на собственных (и дружественных) сетевых ресурсах СБ, но и в издании Института национальной стратегии «НаЗлобу». В заявлении о создании «Большой игры», в частности, говорится: «Человечество гением своей мысли шло на взлет и к Свободе, но Система бросила в бой свой последний резерв — пришельцев. Под прикрытием силы Морока лишь внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста стали проникать в страны Белой силы, протаскиваемые Системой в руководство их государствами и экономиками. Так, из года в год, безропотно служа Системе, пришельцы и поныне протаскивают в страны Белой силы миллионы своих сородичей, искореняя землян». Таким образом, организаторы «Игры» использовали фэнтезийный тезаурус, для того чтобы избежать обвинений в нарушении уголовного законодательства. Однако очевидно, что под «Системой» подразумевался существующий в Российской Федерации государственный строй, под «странами Белой силы» — европейские страны, включая РФ, под «землянами» — представители «белой расы», а под «пришельцами из созвездия Южного Креста» — представители «небелых рас», прежде всего евреи, негры, цыгане и мигранты из центральноазиатских республик бывшего СССР. Смысл самой «Игры» заключается в осуществлении акций, направленных как на пропаганду идей Северного Братства, так и на психологический и физический террор в отношении работников «Системы» (сотрудников правоохранительных органов) и «пришельцев» (мигрантов и лиц неславянской национальности).

Сайт «Большой игры», которой «суждено расчистить поле для будущей решающей Битвы сил Света и Тьмы», заработал 23 декабря 2007 г. — в день, когда якобы был пройден некий «рубеж вступления в свои права Эры Водолея». Изначально сайт был зарегистрирован в Нидерландах, а физически размещен на сервере в Малайзии — т.е. создатели сразу вывели его из российской юрисдикции. Суть игры сводилась к следующему. В «страны Белой силы» (к которым относятся славянские государства

Рисунок 11. Иллюстрация с интернет-сайта «Большая игра «Сломай систему» (<http://visitorqnits.ru/>; <http://russgame.livejournal.com/>).

СНГ) «под прикрытием силы Морока стали проникать внешне похожие на людей пришельцы из созвездия Южного Креста». «Пришельцы» — это коренные жители Кавказа и Средней Азии. Поддержку им оказывают некоторые «земляне», а именно правоохранители, чиновники и олигархи (это и есть та самая «Система», которую требуется «сломать»). В «Большой игре» участвовали команды единомышленников (по терминологии игры — «автономные группировки»), которые *регулярно получали на свои E-mail списки заданий различного уровня сложности*. Например, от игроков требовалось бить витрины, поджигать двери и забрасывать петардами принадлежащие неславянам кафе и магазины, переворачивать и жечь машины, рисовать свастики и нацистские лозунги на стенах домов, избивать и казнить «пришельцев». Также игрокам предстояло подбрасывать под окна приемных «Единой России», избиркомов (на сленге игроков — «лохотронов») или опорных пунктов милиции фальшивые бомбы. Игроки должны были выискивать контактные данные (домашние адреса, телефоны) местных чиновников, бизнесменов, силовиков и правозащитников и отправлять их на E-mail организаторов. Выполнение каждого задания должно было подтверждаться фото- или видеозаписью, которая отправлялась на сайт «Большой игры», за что игрок получал баллы. Именно в этом происходил формальный переход от онлайн к офлайну. Авторы игры признавались, что их цель — «создать сеть автономных группировок, ненавидящих Систему и постепенно увеличивающих свои умения и навыки для их последующего применения уже в прямых столкновениях с Системой». В архиве сайта «Большой игры»

насчитывалось несколько десятков тысяч видеосюжетов о выполненных «заданиях», т.е. о совершенных преступлениях экстремистской направленности. Одним из доказанных эпизодов криминальной деятельности участников «Большой игры» является случай в Невинномысске, где студент И. Карцев, участвуя в интернет-проекте, подложил муляж взрывного устройства к зданию отдела УФСБ, а впоследствии обстрелял из охотничьего ружья жителей города, за что был приговорен Невинномыским городским судом к полутора годам лишения свободы.

Рисунок 12. Сканы видеоподтверждений выполненных участниками игры заданий (<http://russgame.livejournal.com/>)

Фактически сайт готовил боевиков для предстоящей борьбы за передел власти в стране. Пусть уровень их подготовки был минимален, но у них формировалось главное — мотивация на слом государственной власти: «Сломай Систему играючи!»

Игры, практически обучающие и включающие молодежь в экстремистскую и террористическую деятельность, оказались на данный момент одним из самых эффективных орудий сетевых войн и их частного случая — «цветных» революций.

6.2. Феномен Alternate Reality Games — игры в альтернативной реальности

Книга Стейс Крамер (псевдоним) «50 дней до моего самоубийства» — это повествование в форме интернет-рассказа, появившееся

в сети в 2013 г. Книга является своеобразным камертоном, по которому настраивается психологическое состояние подростка для последующих суицидальных действий. Но книга — это только начало. После нее у подростка появляется желание больше узнать на эту тему, как, собственно говоря, и было запланировано. Важно, что при наборе в поисковой системе «50 дней до моего самоубийства» сразу же появляется приглашение вступить в некую группу ВКонтакте. «Группы смерти» — f57, νεκρός ψυχής, «Море Китов», «Тихий Дом» и им подобные. Они оформились с момента самоубийства девочки Рины Паленковой (настоящее имя Рената Камболина, 16-летняя студентка колледжа из Уссурийска) в ноябре 2015 г. Суицидников в социальных сетях много, и очередная покончившая с собой школьница вряд ли привлекла бы к себе широкое внимание. Но незадолго до самоубийства Рина опубликовала селфи на фоне поезда с подписью «Ня. Пока». А в скором времени легла на железнодорожные пути. Состав отрезал ей голову. Предсмертное селфи симпатичной девушки, показывающей зрителю известный жест, стало после ее смерти хитом ВКонтакте. Самоирония, насмешка в глазах, розовая шапочка, шарф в пол-лица, легкомысленный комментарий и страшная смерть под колесами ржавого товарняка. Такой контраст породил вирусный эффект. Масла в огонь подлили фотографии тела Рины с отрезанной головой — они просочились в Интернет благодаря так называемым пранкерам-анонимусам.

На волне популярности «ЖД-тян» несколько человек (главный из которых — 20-летний звукорежиссер Филипп «Лис» из Солнечногорска) в сетях распространяли фейковую информацию, что девочка состояла в «мистической секте самоубийц f57», а незадолго до самоубийства просмотрела психоделические видео с участием их музыкальных групп. Они придумывали все новые мистификации, наполняя их оккультной символикой, помещали скриншоты из хоррор-фильмов, фото порезанных вен, использовали инфернальную тематику. Легенды о секте самоубийц и параноидально-мистическая эстетика пошли у депрессивных подростков на ура.

Все это быстро было трансформировано в ARG, игру в альтернативной реальности. За основу были взяты старые игры на тему нет-

сталкинга — «Инсайдеры», «Тихий дом», «Семеро», «1642» (это не «год самоубийств» и не «номер поезда, сбившего Рину», а старая ARG с имиджбордов).

Важный момент: ключевым аспектом ARG является принцип TINAG (*this is not a game* — «это не игра») — участник должен до конца сомневаться в игровом характере происходящего, в пределе — перестать различать грань между виртуальной и социальной реальностью.

Нетсталкинг — в широком смысле путешествие по малоизвестным уголкам Мировой сети, включая спуск в «глубокий Интернет» — Даркнет (DarkNet¹⁸). В узком смысле — конспирологическая теория, согласно которой, существует еще несколько тайных уровней Интернета, созданных, предположительно, секретными правительственными организациями. Легенда гласит, что доступ к ним имеют лишь спецслужбы, а также посвященные («инсайдеры»).

Согласно легенде, посещение неподготовленным сталкером нижних уровней Интернета может разрушить его психику и даже привести к смерти, но при этом открывает и новые возможности — управление снами и подсознанием, способности к телепатии и телекинезу.

Самый нижний уровень, «точка невозврата» — так называемый «Тихий Дом», место, где стирается граница между реальным и виртуальным мирами, конец бытия. В «Тихом Доме» сталкер обретает особое измененное состояние сознания, преодолевая материю, время и пространство (аналог «мокши» в индуизме и буддизме — выхода из Колеса Сансары).

На практике организаторы ARG закидывают нетсталкерам мистические ребусы и головоломки. Решая квест, ты получаешь ключ для погружения в следующий уровень.

В нетсталкинге игрок, вынужденно просматривая гигабайты картинок и видео, очень часто попадает на сайты с шок-контентом. Такие визуальные путешествия могут вызвать у слабонервного и/или малолетнего зрителя кратковременные психоневрозы или даже приступы эпилепсии. Страх, неврозы игрока — все это работает на укрепление

¹⁸ См. Глоссарий.

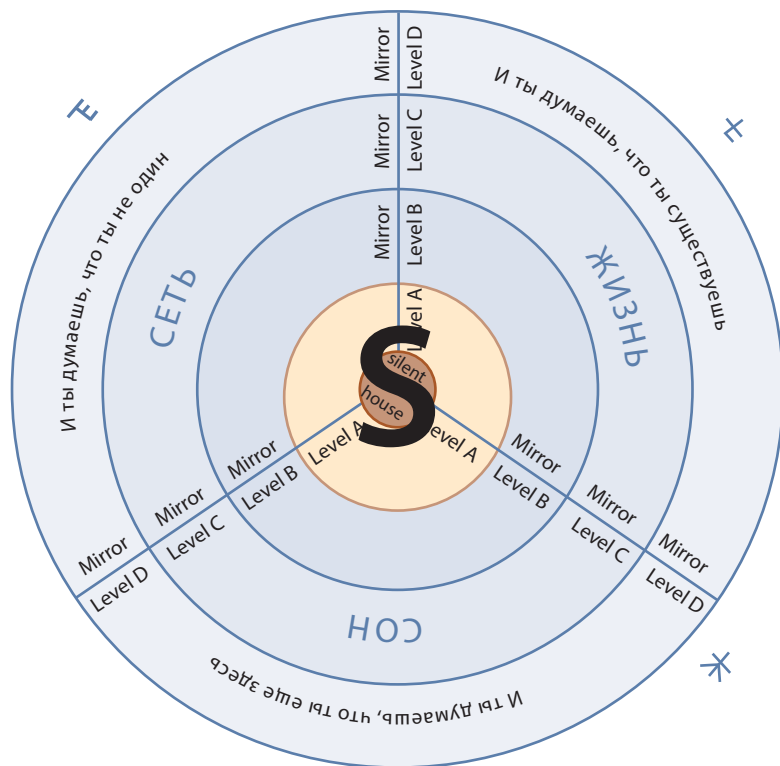

Рисунок 13. Изображения мистических пространств нетсталкинга в Даркнете

легенды о разрушении психики человека по мере погружения в глубины тайного Интернета. Так поддерживается принцип *this is not a game* («это не игра»). Какая же это игра, если ты реально сходишь с ума, побродив по зловещим сайтам с кошмарами?

Стоит отметить, что нетсталкерские квесты несут зачастую и дополнительную функцию, популяризируя сервисы Даркнета Tor, I2P и технологии VPS и в игровой форме обучая их участников основам шифрования, программирования и работы с нелегальными сетевыми протоколами.

Создатели «секты» f57 совместили мифологию нетсталкинга с темой суицида и начали раздавать квесты подросткам. Задания — разгадать таинственные шифрограммы, сделать и прислать тематический фан-арт и сигны, найти определенный контент в Сети. И, наконец, прислать фотографии с изрезанными венами или организовать в стрим-канале Periscope прямую трансляцию собственного «самовыпила» (суицида).

Для большего антуража игрокам присваивались номера — именно в такой последовательности они якобы должны были «посетить Тихий Дом». И, чтобы ARG выглядела реалистично, размещали на стене репосты со страничек настоящих самоубийц, подписывая номерами. Создавалось впечатление, что вообще все пользователи ВКонтакте, покончившие с собой в последнее время, были членами «секты» f57. Многочисленные расследования и разоблачения анонимусов только добавляли популярности «секте».

Новых адептов вербовали через рекламу в пабликах с депрессивным содержанием и развивали собственные сайд-проекты вроде «белый кит» и «Скорби, душа моя» — группы, где подростки делились своими проблемами (а вот проект «Море Китов», судя по всему, действительно был создан для помощи отчаявшимся).

Рисунок 14. Обложка книги «50 дней до моего самоубийства» и интерфейс сайтов «групп смерти»

Большинство участников «групп смерти» просто снимали постановочное видео и не появлялись несколько дней онлайн. Но несколько покончивших с собой девочек-подростков поверили в «секту». И «выпилились», судя по всему, именно под влиянием f57 и сообществ, посвященных Рине Паленковой, на которые были подписаны. Сохранились скриншоты из переписки Филиппа «Лиса», где он бахвалится «очищением мира от биомусора».

Леденящая душу история «секты» f57 и ее жертв превратилась в масштабный социальный эксперимент по формированию групп терминальной деструкции. Если удалось убедить человека покончить с собой, то что мешает сделать финальным заданием игры, например, подрыв АЭС или отравление водозаборного узла?

Мы уже сталкиваемся с явлением *краудфандинговых преступлений* или даже *краудфандингового террора* (Levy B., 2016): разведка, рекогносцировка местности, перевозка и доставка грузов, логистика — все эти необходимые для совершения теракта функции делегируются ничего не подозревающим игрокам. Человек думает, что участвует в интерактивном квесте, а на самом деле он участвует в подготовке террористической акции. Механика ARG подразумевает анонимность организаторов (так называемых кукловодов) и непредсказуемость сценария. Эти факторы открывают безграничные возможности для манипуляции подростками.

Интересно, что в декабре 2015 г. на сайте f57 был запущен таймер обратного отсчета. «Дата X» — 8 декабря — должна была стать днем массовых самоубийств и терактов (ранее Филипп «Лис» в шутку заявил, что завербован ИГИЛ). Участники групп рекомендовали друг другу не выходить на улицу без острой необходимости. В ночь с 7 на 8 декабря в Москве произошел теракт — неизвестный бросил гранату в сторону автобусной остановки, пострадало пять человек.

Создатели ARG вовлекают в свои игры психологически уязвимых людей. В случае с f57 игроками стали депрессивные подростки, которых организаторы находили в тематических группах. А что, если участниками новой ARG станут представители других групп риска — наркоманы, шизофреники, бомжи, настоящие сектанты, гастарбайтеры, умственно отсталые, люди со смертельными заболеваниями?

Форумы и социальные сети позволяют найти человека по любым параметрам и вступить с жертвой в переписку. Прямой контакт не нужен, игроком можно управлять удаленно. В этом еще одна особенность игр в альтернативной реальности — *уже не ты находишь ARG, а ARG находит тебя*.

В ARG могут оказаться вовлечены не сведущие в ней люди: гуляющие в Интернете журналисты, блогеры, сотрудники правоохранительных органов, активисты общественных организаций, да хоть разносчики пиццы. Они могут не планировать участвовать ни в чем подобном, но случайно провалиться в так называемую *кроличью нору* из любо-

Рисунок 15. Фрагмент из презентации П. Лукши Концепции «Образование-2030» (разработчик дорожной карты проекта; МШУ Сколково, Метавер, Метатренды, Пост-вуз, Форматы, Политики, Редактура) (<http://rusinfo-guard.ru/wp-content/uploads/2016/12/Презентация-П.Лукша-Global-Report-Education-2030.pdf>)

пытства (Rabbithole, завлекающая начальная страница или подсказка в игре в альтернативной реальности, которая помогает игроку переместиться в вымышленный мир). Однако что мешает *изначально* включить в сценарий игры участие тех же журналистов и полицейских? Грамотно симулировать преступление, снять постановочные видео, подделать улики в офлайне, нагнать ужаса — и вот уже по твоим следам идут корреспонденты, следователи, любители детективных историй и диванных расследований. Они даже не подозревают, что попали в ловушку, стали частью глобальной интерактивной игры. Их участие — необходимый элемент сценария. Количество вовлекаемых субъектов ограничено только фантазией манипуляторов.

Тотальная геймификация общества — неизбежный процесс. Опыт f57 показал, что в увлекательный интерактивный квест можно превратить даже самоубийство.

Важным моментом является то, что практически все ведомые в Сети группы деструктивной направленности в пределе «заточены» на один результат — *финальный суицидальный акт психологически подготовленного к нему исполнителя преступления (явления дизонтогенеза критически увеличивают его вероятность)*. Каждый скулшутер (как и «игрок») является членом семьи и членом учебного коллектива. Поэтому его смерть и смерть сверстников-одноклассников, освещенные в СМИ и социальных сетях (как правило, с участием глобальных информационно-коммуникационных ресурсов), — не локальный террористический акт (эксцесс в учебном заведении), а *системный акт насыщающего террора, направленный против всего социума как такового*. Родители исполнителей терактов, а также родственники убитых и школьные преподаватели уже никогда не смогут вернуться к привычной социальной жизни (к нормальным семейным отношениям, к контактам с соседями и сослуживцами, к профессиональной деятельности и т.д.). Нестираемые социальные стигматы как психотравма останутся практически у всех индивидов (как детей, так и взрослых), прямо или косвенно вовлеченных в цепную реакцию терминальной деструкции, — а это очень большой круг лиц, включая тех, кто получит информацию через СМИ и социальные сети.

6.3. Цифросетевые ресурсы групп терминальной деструкции

По данным АО Крибрум — *системы мониторинга и анализа социальных медиа* (Касперская, Ашманов, 2019), в деструктивные течения в Рунете вовлечены порядка 5 млн аккаунтов российских подростков (35% от общего числа подростков в России), и это число продолжает расти. За период с января 2018 г. по март 2019 г. обнаружен стабильно высокий и растущий деструктивный фон. Особую опасность представляют следующие темы: наркомания, ультрадвижения, анархия (политический протест). В подростковой среде в социальных медиа фиксируется стремление подростков к группам, продвигающим деструктивное поведение через темы социопатии, массовых и серийных убийств, обесценивания собственной жизни и стремления к смерти, сатанизма и псевдомистических культов, наркомании, ритуальных убийств и самоубийств, нацизма и национализма, экстремизма и радикализма.

В активности распространения деструктивных идей и движений прослеживаются определенные неочевидные цели:

- массовое распространение деструктивной информации в социальных медиа;
- обесценивание у подростков традиционных ценностей и формирование искаженных;
- создание у пользователей социальных медиа ощущения неблагополучия и опасности не только в сетях — в виртуальном мире, но и в государстве — в объективной реальности;
- вербовка легко внушаемых и ориентированных на деструкцию индивидов для дальнейшего вывода их деструктивной активности в объективную реальность;
- дестабилизация социальной и политической жизни государства.

Наиболее ярко представлены в Рунете следующие деструктивные объединения:

- *ультрадвижения* — *ультрас (болельщики), А.У.Е., А.С.А.В., лесное движение (коммандос), хулиганы (уличные бойцы)* — вовлечены более 6 млн человек (из них более 1 млн подростков);
- *анархизм (левые протестные движения)* — вовлечены более 697 тыс. пользователей;

- *девиантное поведение (троллинг, буллинг)*, в том числе шок-контент, — вовлечены более 630 тыс. пользователей;
- *любители убийств, серийных убийств, пыток* — группы о маньяках, серийных убийцах, группы «любования смертью» — вовлечены более 300 тыс. пользователей;
- *сатанисты* — вовлечены более 150 тыс. пользователей;
- *наркоманские сообщества* — вовлечены более 80 тыс. пользователей;
- *последователи нацизма* — вовлечены более 48 тыс. пользователей;
- *скулшутинг (колумбайнеры)* — массовые расстрелы в школах — вовлечены более 38 тыс. пользователей.

Информация о распространении деструктивной идеологии в российском сегменте сети Интернет представлена в *Приложении 2* (табл. 4–8).

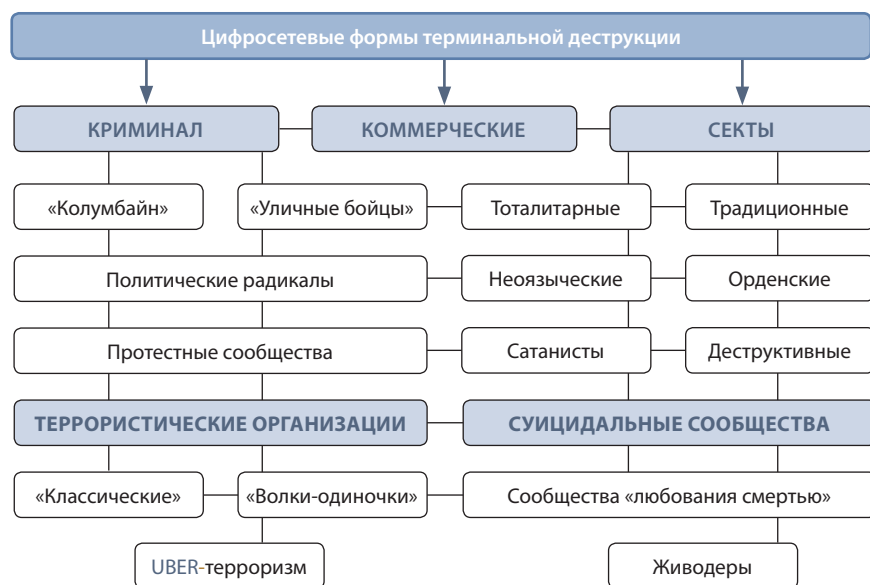

Рисунок 16. Структурная взаимосвязь деструктивных групп

Первоначально идеология *скулшутинга* и других групп терминальной деструкции получила наибольшее распространение в Рунете (Российском сегменте Интернета) в социальной сети *ВКонтакте* (*ВК*) — см. *Приложение 2, табл. 4*. Однако благодаря активной и направленной работе администраций социальных сетей по удалению общественно опасного контента в сети *ВК*-групп, напрямую распространяющих идеологию *скулшутинга*, в настоящее время не наблюдается.

Количество аккаунтов и подписчиков в другой известной социальной сети — *Instagram* — среди молодежи крайне мало (См. *Приложение 2, табл. 6*), однако публикаций с хэштегами по интересующим ключевым словам (*#колумбайн*, *#естественныйотбор*, *#naturalselection*, *#wrath*, *#гнев*, *#ненависть*, *#убийцы*, *#ЭрикХаррис*, *#ДиланКлиболд*, *#ДиланРуф*, *#ВладиславРосляков*) — более чем достаточно. Наибольшая активность в социальной сети российского сегмента Интернета наблюдается по тегам *Columbine*, *Wrath*, *Natural Selection*, которые в подавляющем большинстве используются в англоязычных публикациях. В анализе не вошли результаты поиска по ключевому слову «керчь», т.к. публикации по большей части (90–95%) содержат информацию о самом городе Керчь, а не о трагических событиях, связанных со *скулшутингом*.

На популярном видеохостинге *YouTube* в последнее время резких всплесков интереса к тематике *скулшутинга* не обнаружено; но существует некоторое количество *скрытых групп и чатов* в таких мессенджерах, как *WhatsApp*, *Telegram*: их невозможно обнаружить с помощью обычных поисков, однако в именно в них происходит основное общение молодежи, в том числе по тематике *скулшутинга*.

Группы, посвященные тематике школьного насилия, имеют в сетях различные названия. При этом, как правило, в различных словосочетаниях упоминаются: «*колумбайн*», «*естественный отбор*», «*гнев*», «*ненависть*», «*убийцы*» и пр.¹⁹.

Важнейшим условием для распространения контента является тип электронных устройств, применяемых для входа в группы *скулшутинга*.

¹⁹ См. *Приложения 2, 5*.

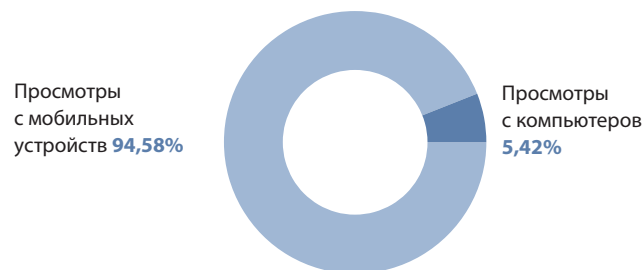

Рисунок 17. Диаграмма соотношения типов электронных устройств, позволяющих коммуницировать по тематике скулшутинга

Из диаграммы на рис. 17 видно, что с учетом роста доступности мобильных телефонов (карманных устройств) и мобильного интернета у современной молодежи появилась возможность постоянного доступа к социальным сетям, в том числе к сообществам, распространяющим информацию о *скулшутинге* и провоцирующим ненависть к своему окружению.

Показательны данные о половозрастных характеристиках подписчиков групп с идеологией насилия, которые в том числе могут быть ассоциированы со скулшутингом.

Из диаграммы на рис. 18 видно, что 81,6% подписчиков групп деструктивной направленности — подростки и молодежь до 24 лет, из которых около 35% — несовершеннолетние.

Интересно, что увеличение количества отметок «нравится» и числа комментариев к записям соответствующей тематики помимо общего роста популярности скулшутинга среди подростков зависит от сезонных изменений психофизиологического состояния (рис. 19).

На графике (рис. 20) видно, что охват групп, распространяющих информацию о насилии и маньяках в сети Интернет, не превышает 250 тыс. уникальных пользователей социальных сетей, что говорит об определенной стагнации в циркуляции информации в этой сети на момент мониторинга. Интересно, что также наблюдаются сезонные колебания количества обращений (совместно с активностью подписчиков).

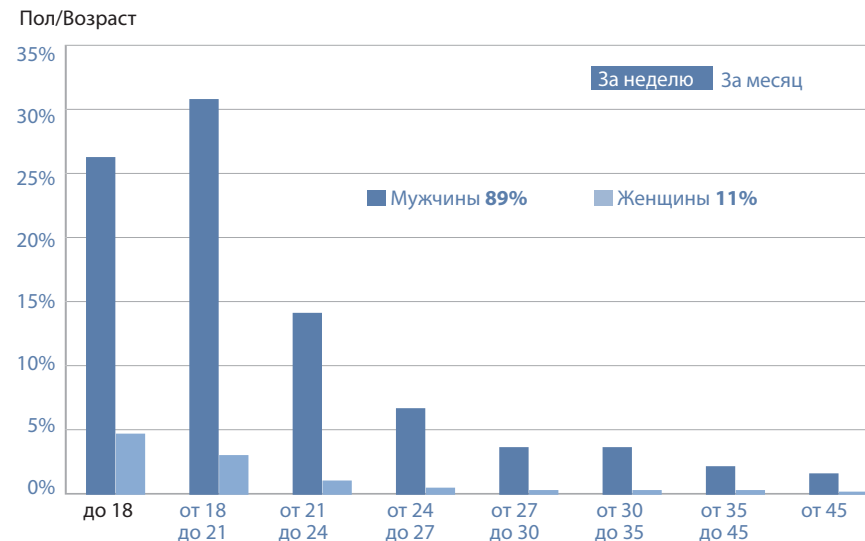

Рисунок 18. Диаграмма половозрастного распределения подписчиков групп с идеологией насилия (в том числе по ассоциируемой тематике скулшутинга)

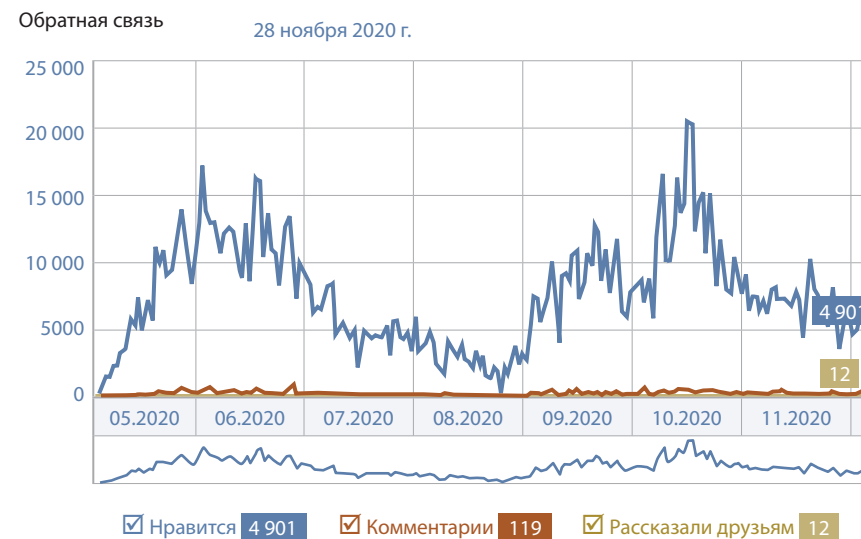

Рисунок 19. Сезонная активность подписчиков в «группах ненависти» в социальных сетях на примере ВКонтакте

Охват аудитории

На этом графике учитываются пользователи, просмотревшие записи сообщества в разделе «Новости»

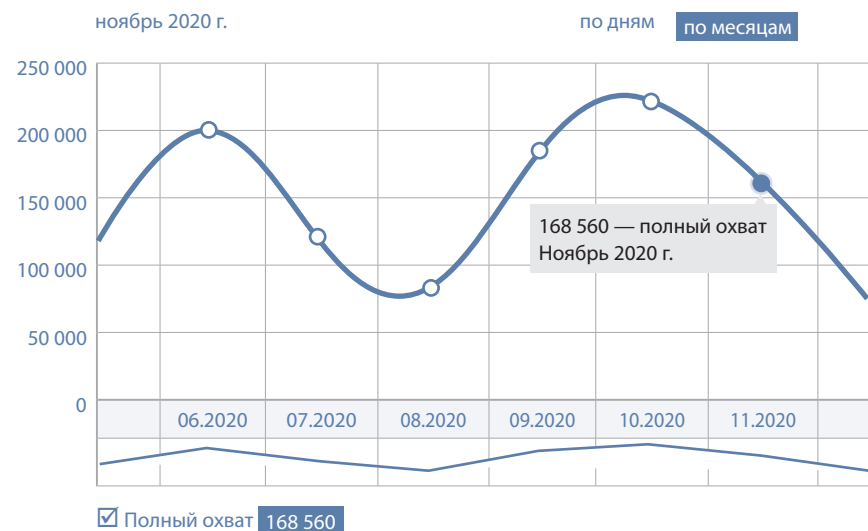

Рисунок 20. Сезонная активность групп, распространяющих информацию о насилии и маньяках в сети Интернет

Показательным и несколько неожиданным трендом стало то, что в последнее время чрезвычайную популярность среди молодежи стала набирать социальная сеть *TikTok*, где видео с тегами, связанными со скулшутингом, также достаточно распространены. Учитывая рост аудитории этого видеохостинга и его популярности среди несовершеннолетних, можно предположить, что количество аккаунтов, видео и просмотров со схожей тематикой будет увеличиваться (см. Приложение 2, табл. 8).

TikTok в 2020 г. по умолчанию считался специфической сетью для общения школьников (мемы, тренды, челленджи); администрация ресурса хвастливо заявляла, что ролики на тему политики их модераторами не приветствуются. Поэтому и госорганы, и политические движения считали *TikTok* сервисом, бесперспективным для раскачки

взрослой аудитории. Однако с 19 по 21 января 2021 г. в контенте *TikTok* было зафиксировано массовое распространение призывов к участию в митингах. Причем при рассылке упор делался на детей 12–14 лет как «ядерную» аудиторию этой социальной сети. Массовость призывов обеспечивалась в том числе за счет большого количества ботов, а также использования фейковых видео и участия подставных лиц. В частности, в сети были зафиксированы обращения от якобы сотрудников полиции, которые «переходят на сторону Навального» — в погоне за хайпом и популярностью блогеры переодевались в форму сотрудников полиции. Некоторые из них прямо признаются, что не имеют отношения к ФБК (признан иноагентом), но участвуют в демотивационных роликах ради своей популярности. Более того, активно внедряется мысль о том, что за участие в митингах участникам «ничего не будет». Тем временем в различных социальных сетях нарастает волна родительского негодования: они возмущены попытками использовать детей в качестве «живого щита». Дети 12–14 лет — это ядро *TikTok* (Зиновьева, Кирьян, 2021). Тема, которая попадает в топ, таргетируется (целенаправленно ориентируется) на эту аудиторию. Такая удачная раскрутка стала возможной из-за трех взаимосвязанных факторов. Во-первых, есть политизированная аудитория — люди, которые считают себя оппонентами каких-либо политиков. В данном случае тема задержания А. Навального была гипертрофирована и за счет этого стала популярной. Второй момент — известным блогерам нужно постоянно быть в тренде, и они молниеносно подстраиваются под любые хэштеги. Пользователи соцсети живут в разных регионах, поэтому люди концентрируют свое внимание на региональных эксцессах. С 19 по 21 января сработала классическая самогенерация социальных сетей («эффект эхо-камер»). Третий момент — дети много времени проводили дома по причине самоизоляции и дистанционного обучения. Особенно это коснулось учеников средней школы — подростков 12–14 лет. Родители на работе, а общение между школьниками проходит в основном в социальных сетях. Если возникает какая-либо «движуха», то мгновенно происходит ее активное распространение. Действия сторонников ФБК были грамотно таргетированы на детей, у которых пока нет жизненного опыта:

в этом возрасте непросто делать выбор, рискуя попасть в категорию «кто не с нами — тот против нас». Так произошел моментальный взлет темы, а затем — эффект снежного кома. Из комментариев и переписки: «Зашел в *TikTok* и прям офигел от происходящего. Там неожиданно началась неслабая движуха. Куча видео про то, как вести себя на митинге и почему нужно обязательно идти. Все смеялись над *TikTok* как несерьезным сервисом, а окажется, что это самая мощная соцсеть, пробуждающая массы. Просто охренеть, какие миллионы просмотров генерирует *TikTok* в России на политические темы» (Иванов, 2021).

Следует обратить особое внимание, что в сети, ориентированной на детскую аудиторию, последовательно разворачивают контент для групп терминальной деструкции. Роскомнадзор заявил, что *TikTok* вынужден был удалить 38% роликов, вовлекающих несовершеннолетних в противоправные действия, но в ленте рекомендаций и сейчас остается большое количество политических видео (Электронный ресурс НТВ-новости, 2021). При этом контент скулшутеров остался без должного внимания.

TikTok — высокотехнологичный цифросетевой продукт нового поколения, содержащий несколько инновационных «изюминок». Первая заключается в том, что благодаря типовым «протоколам машинного самообучения», которые имеются на всех известных платформах «цифровых гигантов», специалисты могут «мониторить», какие видеосюжеты — «видосики» пользователи предпочитают просматривать (и обмениваться ими; Пироженов В., 2020). Важно то, что быстрый обмен даже небольшими видеофрагментами требует подключения к гигантскому «облаку», которое могут предоставлять только глобальные IT-платформы.

Вторая особенность — в том, что программное обеспечение «легковесно» и устанавливается практически на любые смартфоны с любыми ОС. Следует обратить внимание на наметившийся переход от персональных компьютеров и ноутбуков к портативным смартфонам (карманным гаджетам), работающим на основе радиосетей нового поколения с новыми протоколами обмена информацией — 3G, 4G или 5G: это определяет возможность использования приложения *TikTok* для эффективной модерации протестных акций.

И, наконец, еще одно универсальное качество — способность работать с любыми цифросетевыми платформами, способными оперировать соответствующими объемами информации и с достаточной скоростью ее передачи. Эта технологическая особенность и стала решающей в сложных коллизиях по разделу этого перспективного продукта между Китаем и США (разработан специалистами КНР). Благодаря политическим и финансовым манипуляциям *TikTok* фактически был «отжат» у разработчика (собственника) — КНР, а почти вся технологическая (операциональная) часть легко «переехала» на цифровую платформу компании *Oracle*, находящейся под американской юрисдикцией (теперь *TikTok Global*; Шестаков, 2020). Китайская сторона смогла оставить за собой часть финансовых активов *TikTok* (небольшая доля акций) и согласно договору — неприкосновенность протоколов, алгоритмов и программных кодов этого приложения (что, возможно, определяет возможность мониторинга циркулирующей информации). Главное для нас — с момента заключения этой сделки модерация сети на территории Российской Федерации перешла к компании *Oracle* (юрисдикция США).

Подытоживая вышесказанное, на основании данных мониторинга можно сделать вывод (см. табл. 1, а также Приложение 2, табл. 3), что акты скулшутинга и подготовки к ним продолжали совершаться и в период самоизоляции в различных регионах РФ, что говорит о возможности перехода процессов радикализации в более латентные формы и обратно. Протестные акции января 2021 г. показали, что деструктивная деятельность пластична и способна быстро видоизменяться, принимая новые различные формы.

7. Трансформация глобального управления как основной фактор перехода к терминальной деструкции субъектов и объектов социума

Современный глобальный однополярный мир есть сложная, искусственно поддерживаемая конструкция, в которой, несмотря на попу-

лярную практику «сдержек и противовесов», все нарастает внутреннее напряжение. Это напряжение порождает современные масштабные кризисные явления, свидетельствующие о столкновении факторов естественного развития социума с факторами стагнации и с *намеренными попытками консервации сложившегося миропорядка*. Общий вывод, который делается в большинстве научных работ, докладов и экспертных заключений — в том, что старые модели управления катастрофически исчерпали свой потенциал развития.

Например, представители Римского клуба (Weizsaecker, Wijkman, 2017) в своем юбилейном докладе «ComeOn! — Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты», анализируя тему глобального кризиса, резюмируют, что «капитализм умер»: «...сегодняшний кризис не циклический, но усиливающийся. Он не ограничен природой вокруг нас, но включает социальный, политический, культурный, моральный кризис, кризис демократии, идеологий и капиталистической системы...»

Показательно, что доклад Мюнхенской конференции по безопасности (февраль 2019 г.) был посвящен обсуждению распада традиционных структур социума и преодолению неясности: кто и по какому проекту станет «собирать» будущее. Фактически признано, что нынешний миропорядок («зомби-капитализм») существует за счет деструкции, поэтому время его существования ограничено. При этом отмечалось, что информационно-смысловое воздействие используется как основной метод разрушения (блокирования развития) — для консервации сложившегося миропорядка.

Главной проблемой регуляции однополярного мира, оставшегося «наедине с самим собой», стало мгновенное по историческим меркам *накопление терминальных внутрисистемных противоречий*, ликвидировать которые традиционными способами «перезагрузки» социальных систем по опыту масштабных революций («Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...») или мировых войн XX в. уже не представлялось возможным. Инфраструктура высокого уровня сложности, сформировавшаяся в XXI в., оказалась критически чувствительна к любым глобальным потрясениям, угрожающим омницидом

(самоуничтожением человечества): войнам, революциям, масштабным искусственным природным и техногенным катастрофам.

После разрушения СССР и уничтожения лагеря социалистического содружества с целью «*унификации глобальной системы управления однополярного мира*» были предприняты демонстративные акции по «зачистке» оставшихся на геополитическом пространстве социально ориентированных государственных образований: уничтожение суверенного государства Югославии как последней «витрины социализма» (1991–2001 гг.), а также уникального социально ориентированного государства Ливийской Джамахирии (2011 г.). Поскольку технологии использования цифросетевых структур в психологической войне были еще недостаточно развиты, развернуть полномасштабные информационные войны не представлялось возможным — соответственно, применялись методы деструкции, характерные для более «горячих» войн (с разрушением инфраструктуры).

Следующий этап геополитической унификации был развернут на основе технологий «цветных» революций, в которых доминировали информационно-смысловые методы воздействия на платформе уже сложившихся цифросетевых структур (в 2008 г. стали доступны смартфоны с предустановленными мессенджерами и с выходом в Интернет и также возможна локальная сетевая модерация). Технологии «цветных» революций позволяли сменять одну элитарную группировку на другую, более лояльную к глобальным регуляторам, не разрушая материальные активы государства. При этом суверенитет ослаблялся через стандартный пакет мер, осуществляемых правительствами, приведенными к власти по рекомендациям различных международных организаций (например, МВФ): становились малодоступными (платными) все основные параметры поддержания жизнедеятельности — экологичное жилье, медицина и образование, вводились общемировые стандарты изменения облика городов, изменялись учебно-образовательные стандарты, унифицировались протоколы медицинских практик, переписывалась или уничтожалась история государства и этноса, обязательно проводилась пенсионная реформа (повышение пенсионного возраста), возрастало искусственное нера-

венство, наблюдался рост безработицы и, соответственно, бедности (нищеты).

Показательно, что все эти попытки унифицировать суверенные государства на однополярном геополитическом пространстве не дали желаемых результатов: внутрисистемные противоречия продолжали и продолжают нарастать, проявляя себя прежде всего как кризис управления: все старые модели, проверенные столетиями, перестали работать, а новые требуют не только четкого видения образа будущего, но и значительных усилий для перестроения всего уклада жизнедеятельности человеческой цивилизации. При этом попытка дальнейшей консервации сложившегося однополярного миропорядка (несмотря на его очевидные терминальные угрозы) продолжается.

Ставка сделана на *замену управленческих вертикалей суверенных государств трансграничными сетевыми структурами* (в пределе — единой «альтернативной» сетью). В природной и социальной среде различные сетевые структуры выполняют важную вспомогательную функцию, способствуя поддержанию вертикального развития различных системных образований (обеспечивают стабилизацию развития, обеспечивают обмен и обогащение актуальной информацией между субъектами развивающихся структур и др.). В развитии государственных форм на протяжении истории сетевые структуры играли необходимую и значимую вспомогательную роль, а в развитии нашего государства — выражено позитивную. Яркий пример — такие самостоятельные структуры, как ДОСААФ, ОСВОД, ДНД²⁰, и множество других помогали выявлять и привлекать пассионарных и талантливых молодых людей, формируя из них впоследствии кадровый резерв — прекрасных офицеров, управленцев, ученых и спортсменов. Но сетевая организация никогда не могла и не сможет заменить вертикаль государственной властной структуры: ДОСААФ не выполнит функции армейского подразделения и флота, а ДНД — милиции.

Несмотря на тот очевидный факт, что вспомогательные сетевые структуры не могут доминировать в регуляции сложных систем, для на-

учного обоснования политических решений стали привлекать ученых, которые смогли предложить так называемый принцип *сетевой меритократии* (власти наиболее достойных, избранных). Наблюдаемые в биоте и социуме сетевые организации стали прочить на роль нового драйвера исторического процесса; «власть достойных», по мысли исследователей, обеспечит «...*Большой Антропологический Переход... к новой сетевой общественной формации, глобальному сетевому мировоззрению*» (Щербаков, Колесова, Буданов и др., 2020). В работах постулируется, что именно *горизонтальная сетевая регуляция должна вытеснить государственную вертикаль власти как устаревшую форму системной организации и развития социума* (Буданов, Белотелов, Колесова, Курдюмов, Олескин и др., 2019).

Как своего рода артподготовка к терминальной деструкции государств стала внедряться идея (идеология) «частно-государственного партнерства» — передачи части (а затем и всех значимых) государственных функций трансграничным корпоративным структурам — или с ограниченной долей участия государства. «*Государство на аутсорсинге*» (Катасонов, 2017) — когда «государство оказывает услуги обществу»; а если речь идет об услугах, то следующим шагом становится передача функций государства на откуп частным структурам (так называемый аутсорсинг). Государство из бюджета оплачивает услуги частных структур в области здравоохранения, образования, культуры. Потом на откуп передаются такие деликатные функции, как обеспечение общественного порядка, оборона и даже разведка. Значительная часть локальных войн в мире в последние два десятилетия велась (и продолжает вестись) с доминирующим участием частных военных компаний (ЧВК). Для попыток демонтажа государства стали использоваться самые разные либеральные идеи и теории, активно навязываемые обществу через систему СМИ, образования, культуры. Например, теория государственно-частного партнерства, проект электронного правительства, идея саморегулируемых организаций (в сфере экономики и бизнеса) и т.п.

«Государство на аутсорсинге» — это вытеснение и подмена вертикального государственного конституционального организацион-

²⁰ См. Глоссарий.

но-правового регулирования горизонтально-сетевыми формами «законотворческого» манипулирования со стороны различных территориальных субъектов. При этом каждый территориальный субъект, являясь потенциальным «узлом в сети» (Глобальной сети), на основе рекомендаций различных международных авторитетных организаций проводит решения, какие конкретно способы и методы регулирования он осуществляет на подведомственной территории. Яркий пример для нашего анализа — программа «Образование-2020–2030», разработанная как трансграничный сетевой проект с участием различных международных организаций. Показательно, что в национальных проектах России (раздел «Образование») обозначены другие цели и задачи: «Школы с современным оборудованием появляются даже в селах, новые кружки и секции позволяют раскрыть талант каждого ребенка. Техникумы и колледжи получают новые мастерские, усиливается конкурентоспособность российской высшей школы» (Национальные проекты России, 2021).

Из заключительного, четвертого этапа этой дорожной карты следует, что традиционные формы обучения уничтожаются и заменяются

глобальной цифросетевой платформой, через которую формируются персональные образовательные пространства (система «алмазных букварей»), а после «конца традиционной школы» на дорожной карте — пустота.

Принципиально новый шаг в терминальной деструкции социума через попытку направленного слома суверенитета государственных образований — проект «Пандемия-2020–2021». Это не управленческий «факап» (экссесс), а глобальная акция сетевых структур, направленная на слом исторически сложившегося взаимодействия государственных субъектов, умаления их суверенитета и попытки навязать новую глобальную систему управления, построенную на трансграничных сетевых принципах. Если раньше на мировой арене разворачивающиеся события определялись борьбой элитарных группировок (функционирующих внутри суверенных государств), то в процессе реализации проекта «Пандемия-2020–2030» главной целью стали сами государственные образования и их суверенитет.

Важно подчеркнуть, что за последние десятилетия наблюдался целый ряд опасных эпидемий, вызванных в том числе различными подвидами коронавирусов, обладающих высокой агрессивностью (контагиозностью). Но только в связи со вспышкой последнего инфекционного заболевания ВОЗ ООН объявила пандемию (греч. πανδημι — «весь народ») — специальный протокол, объявляемый экспертами ООН при превышении пороговых статистических значений распространения заболевания в мировых масштабах. SARS (атипичная пневмония 2002 г.) и MERS (ближневосточный респираторный синдром 2012 г.) не стали причиной локдаунов не потому, что были менее агрессивными (контагиозными), а потому, что еще не была сформирована цифросетевая структура, способная *ограничивать решения суверенных государств по применению собственных национальных инфекционных протоколов.*

Проект «Пандемия-2020–2021» сочетает в себе дизонтогенез поколений, растущую социально-психологическую гиперполяризацию и психопатическую девиацию поведения шизоидного типа. Ведущим инструментом деструкции является метод социального разобщения,

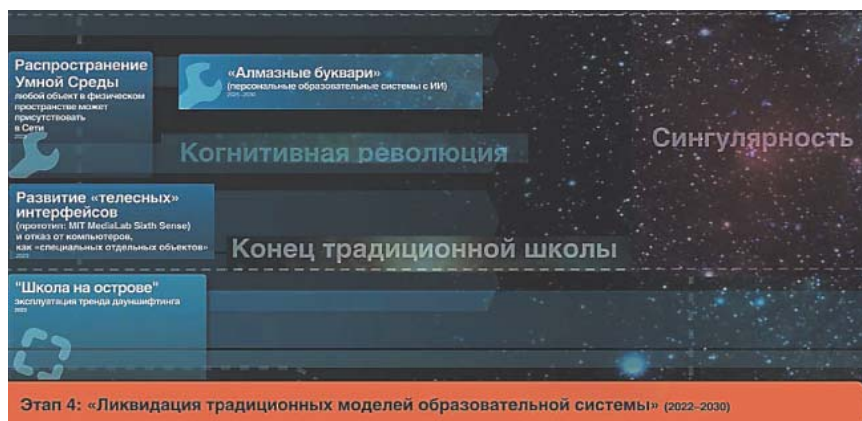

Рисунок 21. Элементы графического изображения дорожной карты форсайт-проекта «Образование-2030» (https://asi.ru/upload_docs/Forsight/edu2030print_3364x1189.jpg)

позволяющий разрывать и уничтожать тонкую материю социальных связей между субъектами социума (а также и самих субъектов), необходимых для нормального функционирования государства и общества.

Механизм *терминальной деструкции* социума и государства мало заметен, прост, но эффективен: социальное разобщение — это прежде всего *принудительная депривация* (лат. *deprivatio* — «потеря, лишение»), т.е. сокращение либо полное лишение возможности удовлетворять основные психофизиологические либо социальные потребности (локдаун позволил сконцентрировать все виды депривации в одной — сенсорной, эмоциональной, личностной, статусной, когнитивной, двигательной, социальной).

Несмотря на сравнительно короткий период (с пиком жесткой самоизоляции, который пришелся на три календарных месяца, согласно рекомендациям ВОЗ ООН), практически во всех странах помимо спровоцированной лавины психосоматических заболеваний и обострения хронических возникла необратимая психопатология, прежде всего усиление форм девиантного поведения на фоне неврозов (аутоагрессия, суицидальное поведение) и психозов (особенно реактивные психозы с характерным поиском виновного-другого: база для экстремизма и радикализации общества). Более того, нарочитое анонсирование второй, осенне-зимней волны заболевания и, соответственно, новых вариантов самоограничений только усилило девиации и стало приводить к необратимому распаду социальных связей.

По мнению авторитетного медицинского журнала *The Lancet*, усилению радикализации способствуют психологические и психиатрические изменения в социуме, вызванные как непосредственно самим инфекционным агентом COVID-19, так и организационными мерами по борьбе с пандемией: введением так называемого локдауна — ограничением социальных контактов, приводящим к различным видам депривации (Taquet, Sierra, Geddes, Harrison, 2020).

Следует подчеркнуть, что введенные в различных государствах локдауны в период объявленной пандемии в 2020 и 2021 гг. нигде не снизили уровень радикализации, а только подхлестнули ее: например, в США в период первой волны развернулись в акции BLM, а в пе-

риод второй волны в предвыборной кампании осени 2020 г. еще более усилились. Как оказалось, объявленные режимы самоизоляции не стали помехой для радикализации и проведения различных уличных акций в больших городах во всем мире, а также актов скулшутинга в российской провинции (см. табл. 1 и Приложение 2, табл. 3).

Российские психиатры-практики еще в период первой волны (в том числе на основе изучения последствий локдауна в США и радикализации BLM) констатировали, что «... постоянно нагнетаемый тревожный информационный фон, введение режима самоизоляции вызывают *посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)* — синдром, характеризующийся фрустрациями, страхами, чувством одиночества и бесперспективности, ожиданием угрозы, а также флешбэками — оживлением негативных переживаний из прошлой жизни, ночными кошмарами, бессонницей, раздражительностью и вспышками гнева, домашним насилием, избеганием контактов с людьми. По мнению психиатров, большую опасность в контексте радикализации представляют *иррациональные поступки, включая покупку оружия и военной амуниции, а также импульсивное поведение (бегство из изолированных населенных пунктов; Мосолов, 2020)*.

Терминальный удар был нанесен не только по старикам, но и по детям. По заключению психиатров, социальная изоляция у детей приводит к ПТСР в 4 раза чаще, а в старшем возрасте это самый значимый предиктор общей смертности. Депривация у пожилых людей приводит к развитию синдрома свернутого пространства — ускорению процессов старения, но на фоне легкой и приятной эйфории. Циничная самоизоляция граждан «возраста дожития 65+» и «предпенсионеров» под медийным лозунгом сохранения «золотого фонда умудренных опытом профессионалов» есть фактическое их уничтожение.

У детей и подростков депривация усиливает дизонтогенез, а также приводит к психологическим и психиатрическим изменениям: по словам специалистов Национального медицинского исследовательского центра здоровья детей Минздрава: «После продолжительного режима самоизоляции и дистанционного обучения 80% школьников пожаловались на возникновение депрессии, различных фобий, а также наруше-

ния сна». Депрессивные состояния были выявлены у 42,2% школьников, астенические состояния — у 41,6%» (Баландина, 2020).

Определяющими в управлении социальными и эпидемиологическими процессами в пандемическом экстремуме (в принятии стратегических решений) для многих государств стали не собственные прерогативы, а рекомендации «авторитетных международных организаций» — прежде всего методики жесткого социального разобщения. Показательно, что если вертикаль государственной суверенной власти превалирует над глобальной сетевой организацией, сразу становится виден реальный результат ответственного управления: в Китае и Сингапуре зафиксировано несколько сотен тысяч зараженных во вторую волну на 1,5 млрд населения.

Еще одним важным специфическим свойством сетевой организации в социуме (в том числе и «сетевого роения») является стирание различия между виртуальной и социальной реальностью (психологического взаимодействия субъектов социума): коммуницируя в Сети (как в особой форме электронной и структурной организации), индивид теряет различия между онлайн- и офлайн-взаимодействием. Для старших поколений, не затронутых процессом дизонтогенеза, цифросетевая среда не является доминирующей — психофизиологический процесс принятия решений осуществляется на основе сложившейся структуры культурно-исторической информации. Именно поэтому старшее поколение остается способным к поддержанию институциональных структур государства.

Влияние цифросетевой среды наиболее проявлено для поколений Y и Z, «родившихся с гаджетом в руке»: для них виртуальная реальность гораздо более значима, чем реальность из социального мира взрослых. Если процесс социального становления подростка осложняется травлей (буллингом, троллингом), то проблема повышения социального статуса среди сверстников может кардинально решаться либо попыткой выхода на протестные уличные акции (любое селфи на фоне ОМОНа — и ты крутой герой на баррикадах), либо еще более радикально — по террористической модели «Колумбайна». Поскольку для подростков не существует другой значимой реальности, кроме виртуальной, изображения,

Рисунок 22. Фотоколлаж из изображений с сайтов, несущих символику групп деструктивной направленности, общепринятую у скулшутеров

выложенные в Сеть, тут же поднимают их личный статус до высшего приоритета, а сама акция продолжает восприниматься их окружением как «драйв» — увлекательная офлайн-игра. В свою очередь, молодые поколения Y и Z в силу дизонтогенеза оказываются малоспособными к конструктивному взаимодействию с институциональными структурами (такой опыт виртуально не формируется), но зато легко вовлекаются в сетевые формы деструктивного взаимодействия.

8. Цифросетевые структуры как угроза государственному строю

Принципиально важным для понимания того, каким способом формируется угроза деструкции, является общее научно-теоретическое представление о кардинальных различиях в структуре и функциях

системных и несистемных сетевых построений. Все функциональные системы (ФС)²¹ как способ существования от неживой и живой материи до высших психических функций человека (Анохин, 1978; Судаков, 2007) последовательно выстроены в вертикальную иерархию, которая позволяет: императивно программировать сверху вниз модель будущего результата деятельности для нижележащих подсистем, синхронизировать все элементы для работы на конечный результат (информационная модель результата является системообразующим фактором), осуществлять обратную связь о достижении/недостижении информационных параметров заданного результата, а самое главное — развиваться всей иерархии системных построений (системогенез) от простого к сложному, от неживой к живой материи, от биоты к человеческому обществу, от зоопопуляции²² к психосоциальной формации²³. Именно поэтому системные построения не статичны, а динамичны, гибки и не содержат в себе однообразных и «застывших» форм — они находятся в постоянном развитии (наблюдается непрерывный процесс системогенеза, происходящий квантовыми скачками).

Генеральным свойством всех системных построений (ФС) является то, что они в каждый момент времени работают против энтропии — распада, хаоса, диссипации, неопределенности, дизонтогенеза (Судаков, Кузичев, Николаев и др., 2010). Поэтому если в норме какой-либо элемент в функциональной системе престаёт отражать адекватную информацию о результате (а отражает что-то иное), то он делается помехой для функционирования системы и немедленно «переучивается» (преодолевается) или устраняется пластическими, энергетическими и информационными перестройками всей функциональной системы в целом: как биологический, так и социальный организм изолирует, перестраивает или отторгает нефункциональный элемент (в том числе элиминирует сетевое несистемное построение; Судаков, 2008).

²¹ См. Глоссарий.

²² См. Глоссарий.

²³ См. Глоссарий.

Каждое государственное образование по своей структуре и функциям является большой функциональной системой: имеет четко выраженную властную вертикаль с многочисленными петлями обратной связи между «верхами» и «низами», формирует и поддерживает информационную модель будущего результата деятельности, интегрирует и синхронизирует социальные элементы для поддержания этой модели, перестраивает или элиминирует негодные функциональные единицы, т.е. обеспечивает условия для развития общества (системогенеза) и тем самым «работает против энтропии» — развиваясь, упорядочивает пространство и время.

Но несистемные сетевые построения — принципиально иной принцип организации структур и процессов в неживой и живой природе. Сетевые структуры в самом общем смысле традиционно определяют как построения из элементов (вершин, или узлов) со связями между ними, которые обозначаются как ребра (дуги; Newman, 2012). Наблюдаемая учеными в природе и обществе сетевая организация структур и процессов (Thorelli, 1986; Powell, 1990; Castells, 1996, 2004; Meulemann, 2008; Kahler, 2009; Олескин, 2016, 2020) отличается от системных построений (и антагонистична им) тем, что не содержит информационной модели будущего результата деятельности и потому использует функционирующие в ФС элементы как «стройматериалы», переключая их с работы на систему на построение структуры сети (ее «ребер» и «узлов»). При этом выдернутый из системного построения элемент теряет свою принадлежность к ФС и тем самым перестает развиваться: он начинает прямо или косвенно работать против «родной» системы.

Смыслом каждого сетевого построения является непрерывное воспроизведение себя самого в пространстве и во времени («самоподобие»), поэтому каждая сеть синхронизируется и «мерцает» через «стохастический шум» — фрактальные стохастические размерности как практически беспредельное воспроизведение своей структуры в различных мерностях и масштабах: «структурированный хаос, порождающий джокеры» (Малинецкий, Потапов, 2000). Фракталы и графопостроения не имеют центральной архитектоники ФС — признаков вертикальной иерархии, «петель» обратной связи

и информационной модели результата деятельности. Этот *самоорганизующийся и детерминированный информационно-смысловой хаос* опасен для ФС тем, что обладает внутренней неустойчивостью (*прогностической непредсказуемостью*), которая не разрушает его построения, а, наоборот, наделяет дополнительным резервом сложности, которым он пользуется как адаптивным ресурсом. Кто этот хаос детерминирует, тот и имеет возможность для деструкции социальных функциональных систем.

Интересно, что С.П. Капица в научных и публицистических работах подчеркивал, что в развитии система всегда проявляет себя через экспоненциальный рост показателей как n^2 (Капица, 2013). Чем больше n , тем сложнее объект. Величину n математики красиво назвали размерностью фазового пространства — в нем и происходит «преобразование хаоса» функциональными системами в упорядоченность структур и процессов (Судаков, Умрюхин, 1997).

Следует подчеркнуть, что и ФС, и сетевые несистемные построения являются *информационно-смысловыми организациями* — т.е. не име-

Рисунок 23. Слева — пример замкнутого на самого себя графика типичной фрактальной размерности — траектория системы уравнений Ресслера в координатах x, y, z при значениях параметра $b, b = 4,233$. Правее — визуально подобное изображение архетипического образа Уробороса — пожирающего самого себя змея, символизирующего разрушение социума через заикливание по горизонтали («самоподобие»). Справа — С.П. Капица рассказывает о закономерностях развития сложных систем — n^2 как признак и экспоненциальная закономерность открытого развития, — разрывающих заикливание по горизонтали (<https://youtu.be/SUfNxyTlkg8>)

ют специфических материальных субстратов и специальных «органов»: «Образно говоря, морфологический субстрат представляет только клавиатуру рояля, на которой различные ФС разыгрывают разнообразные мелодии, удовлетворяющие различные потребности живых существ» (Судаков и соавт., 2010). Эта особенность информационных построений высокого уровня сложности (на уровнях высокой иерархии в «вертикали») позволяет им *императивно программировать* сверху вниз все масс-кинетические процессы, служащие базисом для удовлетворения витальных потребностей современного человечества (все еще доминирующей зоопопуляционной регуляции).

Сетевые построения по отношению к ФС могут выполнять только *условно вспомогательные функции*: либо использоваться как «сапрофитарные» субэлементы (условно полезные), либо выделяться как выражено паразитарные (агрессивно враждебные): на уровне государственного регулирования все зависит от обоснованных решений по их функциональному использованию. В норме в период своего интенсивного развития в фазе *экстремума* функциональные построения (ФС) могут вступать с сетевыми построениями в *кооперативные* связи, используя их для интенсификации обмена информацией между элементами в момент выработки *новой модели результата деятельности* (пример — организации ДОСААФ, ОСВОД в СССР как инструменты подготовки армии и службы спасения «нового типа») ²⁴.

В спящем режиме, когда социальная система не развивается интенсивно (в период ее застоя), принципы сетевой регуляции оказываются пригодными для горизонтального мультипараметрического взаимодействия между элементами ФС: количество информации, циркулирующей по вертикальным петлям обратной связи, снижается, системные требования к качеству элементов падают — возникает консенсус между вертикальными и горизонтальными способами регуляции (саморегуляция провозглашается доминантой). Но несистемная сетевая организация может сосуществовать с государством до тех пор, пока оно (государство) еще не среагировало соответствующим обра-

²⁴ См. Глоссарий.

зом на новизну самоорганизовавшейся сети либо доподлинно не было установлено, что уже давно возникшее «общество вышивания крестиком» не представляет угрозы для его функционирования.

Поэтому стоит различать статистически ничтожный уровень энтропии (например, регулируемой государством с помощью правовых методов профилактики преступности, экстремизма и терроризма), неизбежно возникающей в сложной социальной системе (как одна из динамических характеристик ее развития) и *направленную деструкцию* (тем более терминальную), значительно повышающие пороговые значения нормы: «А все, что сверх, — то от лукавого». Опасные свойства сетевых построений в социуме заключаются в том, что, если их не контролирует государственная вертикаль, они под направленным воздействием инсургентов²⁵ могут быстро и незаметно переродиться в паракриминальные и криминальные структуры (клуб самодеятельной песни (КСП) — в бордель, а веселая компания охотников и рыболовов — в лихую бригаду браконьеров).

Все экстремистские террористические организации на протяжении истории проявляли и проявляют структурные и функциональные признаки сетевых построений. Это говорит о том, что при определенных и достаточных условиях принципы построения сетевых организаций (детерминированная хаотизация) могут быть направлены использованы как эффективный инструмент для деструкции государства и социума.

Однако в настоящее время, в «эпоху перемен», наблюдаемый общий системный кризис социума неотрывно связан с *экстремумом* — периодом интенсивного системного развития: переходом к новому образу жизни всей человеческой популяции. Формирование глобального индустриального контура реальной экономики (с помощью цифровых технологий в производстве, логистике и в банковских транзакциях), насытившего на переломе XX и XXI вв. человечество пищей, одеждой, комфортным жильем, средствами передвижения и другими витальными благами, стало приводить к тому, что возможности тра-

диционных политэкономических регуляторов оказались принципиально исчерпанными, а развитие социума в рамках старой зоопопуляционной модели оказалось значительно ограниченным (Сундиев, Фролов, 2020). Через настоящую кризисную ситуацию формируется *новая информационная модель развития социальной системы*, начинается переход от исторически отживших зоопопуляционных социальных отношений к психосоциальному этапу развития человеческой популяции.

Этот процесс перестроения всех элементов социума как системы еще в прошлом веке был прекрасно проиллюстрирован психологом и социологом Абрахамом Маслоу (Маслоу, 1954), который обосновал, что доминантными для человека являются так называемые *высшие психические потребности* (раскрываемые через морально-нравственные качества личности): только благодаря их удовлетворению человеческая жизнь обретает ценность и смысл. В своих работах, исходя из доминанты морально-нравственной природы человека, А. Маслоу подчеркивал, что по мере удовлетворения человечеством витальных («органических») потребностей (пища, одежда, жилье, образование, медицинское обслуживание) возрастает возможность удовлетворения высших потребностей — именно в таком ключе он рассматривал ценность прогресса. Процесс развития программируется по вертикали сверху вниз, а реализуется снизу вверх (возникает континуум реальных исторических событий).

Поэтому в этом переходе социальной системы из одного состояния в другое важно определить главное — куда и зачем идти? Ведь, несмотря на то что старая модель социума очевидно перестала работать оптимально (социум как системное построение уже не регулируется и не развивается), не прекращаются все более агрессивные попытки перевести вектор развития цивилизации из вертикали в горизонталь — зациклить на замкнутых стохастических размерностях по модели образного Уробороса.

Единственно оставшиеся сверхэффективные способы консервации сложившегося миропорядка — направленное использование сетевого принципа организации для терминальной деструкции социума (блоки-

²⁵ См. Глоссарий.

Рисунок 24. Хрестоматийная пирамида потребностей А. Маслоу, иллюстрирующая взаимосвязь иерархии уровней системных построений социума с мотивационно-потребностной базой человека

ровка его развития) и подмена властных полномочий институциональных структур трансграничными сетевыми построениями.

Почему и в связи с чем социальная деструкция приобретает именно терминальный характер? В пределе (если гипотетически представить искомое конечное состояние, к которому стремится построение) принцип несистемной сетевой организации пытается подменить собой принцип системной организации социума (ФС), стать не вспомогательным, а доминирующим: т.е. речь идет о *кардинальном перестроении базовых настроек регуляции социума*, сложившихся исторически в процессе его системогенеза (развития и совершенствования вместе со всей иерархией ФС).

Поскольку социум, как большая ФС, через свою психосоциальную деятельность вписан как значимый функциональный элемент в непрерывно развивающийся пространственно-временной континуум (как иерархию ФС различного уровня сложности), остановить процесс его генезиса, как закона мироздания, принципиально невозможно. Однако, используя дополнительный резерв сложности, присущий организованному хаосу, сеть может избирательно деструктурировать (элиминировать) именно те элементы ФС (субъекты и объекты), которые наиболее активно участвуют в развитии системных построений.

Поэтому главными мишенями для *терминальной деструкции* являются объекты образования, здравоохранения, науки — сами институциональные учреждения, а также социальные субъекты: педагоги, врачи, ученые, деятели искусства и культуры — все те, кто работает для развития общества и помогает формировать и поддерживать морально-нравственные качества личности человека. Именно поэтому акты скулшутинга (как акты терминальной деструкции) инициируются и планируются в школьных учебных учреждениях, где сосредоточены эти наиболее чувствительные к развитию элементы социума.

Таким образом, принципы сетевой организации — это не просто набор интересных феноменов и прогрессивных явлений, а антагонистичный и паразитический принцип построения структур и процессов: социальный организм поражается «новообразованием», которое не только воспроизводит себя за счет его резервов (пластических, энергетических, информационных), но и стремится уничтожить его в пределе, погибая вместе с ним. Но, чтобы четко отграничить патологию от нормы, требуется соответствующая научная методология (нормология), позволяющая различать *системные* и *несистемные* построения по результатам их социально значимой деятельности. По В.И. Вернадскому (Вернадский, 1988), фундаментальные законы развития в нашем пространстве-времени определены его анизотропными свойствами: энантиоморфностью — «неравносвойственностью» (на «стреле времени» начало не равно окончанию, правое не равно левому, верх не равен низу, прошлое не повторяется в будущем); таким образом, каждое явление в генезисе можно рассматривать в сло-

жившейся системе координат — как оно зарождалось и к какому результату в будущем может привести (Пригожин, Стенгерс, 1986). Если рассматривать явления системной и несистемной регуляции через такой *методологический «поляризационный фильтр»*, то можно четко различать, оценивать и прогнозировать результаты горизонтальной и вертикальной регуляции²⁶.

Следует подчеркнуть, что сетевая среда обитания чрезвычайно комфортна и потому притягательна для индивидов, начинающих выступать в роли ребер и узлов. Согласно теории ФС, формирование социально значимой потребности (высших потребностей в пирамиде А. Маслоу) *сопровождается выраженной отрицательной эмоцией, а достижение результата — положительными яркими эмоциональными состояниями (энтузиазмом, воодушевлением, радостью)*. Поскольку сетевая среда обитания ориентирована не на результаты социального развития (а на их использование для своего построения), она помогает индивидам (как элементам сети) избегать выраженных отрицательных эмоций, заменяя их континуумом измененных эйфорических состояний («жить нужно в кайф!»).

При этом выраженным становится эффект внешнего наблюдателя: для субъектов ФС логика событий в сетевых образованиях в социуме не только выглядит малопонятной, необъяснимой, непредсказуемой, но и приобретает *инфернальное измерение* (терминальная деструкция, девиантные формы поведения, половые извращения, социальная психопатия, отсутствие эмпатии, «бессовестность», суицидальное поведение и другие проявления). Вероятно, индивидами — элементами сетевых построений — субъекты и объекты ФС социума воспринимаются как естественный источник ресурсов, которым можно и нужно пользоваться для обеспечения своей жизнедеятельности (например: «Люди — новая нефть!»).

Терминальная деструкция социума — это попытка несистемных сетевых форм организации к обнаружению, а затем к уничтожению (физическому, статусному, каузальному, информационно-смысловому)

субъектов и объектов социума, обеспечивающих процесс системогенетического развития иерархии системных построений (ФС) и потому антагонистичным паразитарным (неспецифическим) формам организации. Поскольку государственная вертикаль представляет непосредственную угрозу для «ползучего» распространения сети, ее основной терминальный удар направлен на институциональные структуры, в норме обеспечивающие развитие социума через образование, здравоохранение и науку: терминальной деструкции подвергаются в первую очередь наиболее значимые и чувствительные социальные элементы системогенеза — это дети, подростки (через дизонтогенез и непосредственную элиминацию) и представители старших поколений (прежде всего граждане «возраста дожития 65+», как носители социокультурного опыта, знаний и сформированных морально-нравственных качеств).

Возможность использования сетевого принципа организации структур и процессов для терминальной деструкции социума появилась в результате величайшего технологического достижения человечества (предназначенного для развития) — создания глобальной цифровой платформы как технологического сооружения, воплотившего «в металле» все принципы сетевой организации: «В сети отсутствует единый центр (лидер, доминант), и ее поведение является результатом кооперативных взаимодействий между элементами (узлами), среди которых могут быть несколько частичных лидеров с ограниченным воздействием на систему; Всемирная паутина (World Wide Web) устроена во многом именно по данному организационному принципу» (Олескин, 2016, 2020).

Инструмент «из будущего» создан, но результат его использования зависит от воли тех, в чьих руках он находится (в чьих интересах моделируются информационные потоки и контролируется их содержание). Поскольку создание цифровой платформы является высшим достижением научно-технического прогресса и позволяет оперировать информационно-смысловыми конструктами, его уровень сложности значительно выше, чем уровень сложности регулируемой зоопопуляции. Именно поэтому модерация информационно-смысловых конструктов с более высокого уровня организации социальных построений (с уров-

²⁶ См. Приложение 2, табл. 9.

ня глобальной цифровой платформы) имеет императивное значение по сравнению с традиционно сложившимися способами регуляции социума (политическими и экономическими). Иначе говоря, цифросетевые структуры получили возможность воздействовать на вертикаль в иерархии системных построений — и пытаются занять не подчиненное положение, а доминирующее. Особенно ярко это проявилось в 2020 г. в США в предвыборный период — с последующим лишением еще действующего президента США Д. Трампа доступа к социальным сетям и другим медиаресурсам.

Поэтому *вопрос модерации информационных функций цифросетевых структур — ключевой* в обеспечении нормальных функций государства и жизнедеятельности социума. Условный вход в информационно-коммуникационную среду заинтересованных деструкторов осуществляется с самого высокого уровня системной организации социума: технологически — неизвестно кем конкретно и неизвестно откуда (неизвестна географическая локализация центра информационного воздействия и входа в глобальную цифровую платформу).

Однако *следы модерации всегда остаются*: это вполне отчетливые электронные «отпечатки пальцев», например *ботов* (от сокращенного сленгового «роботов» — дорогостоящих электронных устройств, которые «гонят волну» и требуют постоянного поддержания дорогого программного обеспечения) и *«троллей»* (осуществляющих информационную травлю негодных информационно), — источников смысловых конструктов, необходимых для развития (ученых, политиков, общественных деятелей, журналистов, блогеров) через «интеллектуальных наемников» — высокооплачиваемых специалистов. Следы денежных транзакций по оплате «трудодней» также остаются в цифровой среде («все оставляет свой след»).

На *рис. 25* хорошо видно, что, когда проникновение ботов (автоматических учетных записей, которые выдают себя за реальных пользователей) в сеть превышает 1%, фейковая информация начинает активно распространяться в сети (справа): всего несколько первых «голосов» ботов могут сделать фальшивую новость вирусной — энтропия построения резко возрастает.

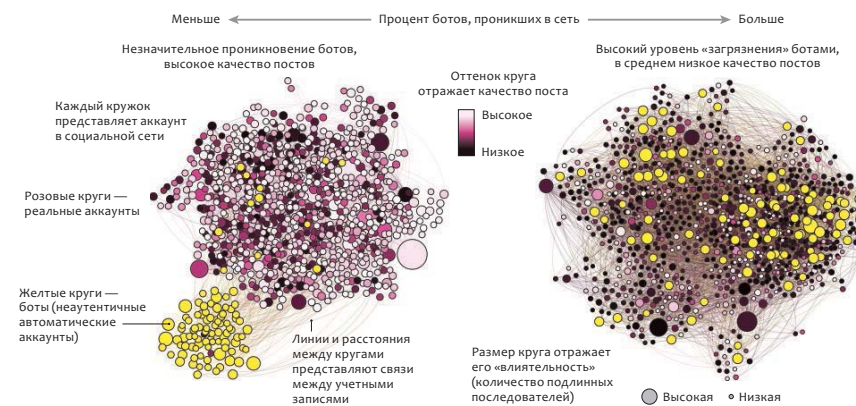

Рисунок 25. Иллюстрация процесса «загрязнения ботами» в социальных сетях (<http://spkurdyumov.ru/uploads/2021/02/cena-besplatnoj-informacii.pdf>)

Техники цифросетевой модерации постоянно и очень быстро совершенствуются: как непосредственно электронная база (например, быстродоступный тематический видеоряд высокого разрешения в *TikTok* с карманных гаджетов-смартфонов за счет широкополосного трафика), так и *новые способы деструктивного психологического воздействия*.

Последний технологический прорыв в модерации деструкции социальных систем — так называемые «*социальные лазеры*» (Stimulated Amplification of Social Actions — SASA). На перспективность использования рабочей модели гетерогенной (неравновесной) социальной среды для «*компьютерно опосредованного общения между людьми*» *исследователи обратили внимание* еще в «доковидную» реальность (Царев, Трофимова, Алодянец, Хренников, 2019), а практическое применение этого SASA стало возможным только после того, как удалось *нарастить мощь цифровой платформы* и индуцировать у большинства населения планеты ПТСР в результате воздействия методов социального разобщения (локдауна) в ходе реализации проекта «Пандемия-2020–2021».

Стоит подчеркнуть, что если в 2017 г., по данным ВОЗ ООН (ВОЗ, 2021), в мире насчитывалось до 450 млн психически больных (верифицированных, с установленным клиническим диагнозом) и не менее 800 млн людей в пограничном психическом состоянии, то уже в период первой волны проекта «Пандемия-2020–2021» по причине возможных информационных накачек через социальные лазеры их количество стало критически возрастать (Гридин, 2020).

Принципиальная возможность для эффективной работы социального гиперолоида была подготовлена дизонтогенезом психофизиологических функций поколений X, Y, Z. По заключению исследователей, функциональной основой социальных лазеров являются так называемые S-атомы (люди), которые для возможности информационной накачки через социальные сети должны (и могут) находиться только в двух возможных полярных состояниях: либо сомнамбулическом, либо в гиперактивном (на научном сленге психоневрологов, фиксирующих явления дизонтогенеза, такой S-атом «...либо спит, либо всем телом и с диким воплем»).

Чтобы накачать аудиторию сети до состояния так называемой инверсии (когда больше половины ее S-атомов окажется в гипервозбужденном состоянии), СМИ и прочие акторы медиaprостранства интенсифицируют поток шоковых новостей о катастрофах, актах насилия и политических

скандалах: *сила информационных потоков* в современном информационном обществе продолжает неуклонно возрастать, поэтому управление социальными (информационными) лазерами становится проще, а их деструктивное воздействие — все более эффективным.

Одной из важнейших характеристик SASA является возможность направленного управления так называемым *социальным цветом*: заданной тематической характеристикой психоэмоционального гипервозбуждения. По мысли исследователей, «...им может быть любая тема, способная возбудить аудиторию: война в Ираке, выборы в США, Brexit, цунами в Японии, сексуальный скандал, антиглобализм, изменение климата, расизм, сексизм, Трамп и т.д... Среда усиления, состоящая из агентов в возбужденном состоянии, стимулируемых цветным информационным полем, например против коррупции, «излучает» волну протестов того же социального цвета — против коррупции... Для S-атомов возбуждения информационного поля, несущие ту же социальную энергию и цвет, являются неразличимыми» (Царев, Трофимова, Алодянец, Хренников, 2019).

Следует подчеркнуть, что воздействие социальных лазеров отличается от технологий «цветных» революций прежде всего тем, что через манипулирование мотивационно-потребностной базой позволяет проводить «артподготовку», поверх которой уже следом будут работать традиционные сетевые формы радикализации. Поэтому исследователи социальных лазеров наблюдают, что одной из характерных черт социальных протестов и революций 2020 г. является *отсутствие* четко сформулированных политических программ и сильных значимых политических лидеров.

Если еще пару лет назад обычная модерация с помощью внедрения ментальных вирусов не давала столь выраженного результата — фейки и химеры не «взлетали» (ментальные эпидемии в социальных сетях демонстрировали тенденцию к самозатуханию в течение двух-трех дней; Ашманов, 2018), то в настоящее время любой «глюк» в сети может значительно усиливаться в так называемых «эхо-камерах» SASA и реализоваться в форме митингов, демонстраций и акций протеста (Хренников, 2019).

Рисунок 26. Схемы масс-кинетического лазера (слева) и «социального лазера» — SASA (https://zen.yandex.ru/media/the_world_is_not_easy/razvorot-evoliucii-5f89a6d55282a978278b7efa.)

Результаты воздействия «социального гиперболоида» мы увидели весной 2020 г. в США как движение BLM, осенью — как «движение за бело-красную свободу» в Республике Беларусь, а также в Киргизской Республике и в формате более «горячей» войны в Нагорном Карабахе. В 2021 г. наиболее проявлена работа социального лазера в Афганистане.

Подготовительный этап радикализации в Республике Беларусь был проведен с помощью методов SASA, а конкретика протестных акций модерировалась уже с помощью более открытых, можно даже сказать, манифестных ресурсов: HEXTA (на лат. NEXTA) — это не просто телеграм-канал (<https://nexta.news/>), а целый пул сетевых структур, начиная с высококачественно сделанного сайта. Название NEXTA произносится как «нехта» с ударением на первый слог. В названии заложена игра слов и смыслов: поколение next (с английского переводится как «следующий»), а белорусское слово «нехта» («кто-то») солидаризирует с тем, «кто думает так же, как и я». На территории РФ у этой сети есть «дочки» разного уровня: производные телеграм-каналы, сообщества в соцсетях ВКонтакте, Одноклассники, Facebook.

По мнению Е.Г. Пономаревой, комментирующей причины масштабы протестных акций, «Белоруссия показала всему миру, что социальные сети — реальное оружие. Оружие деструкции, переформатирования сознания совершенно разных социальных групп. Вообще, социальные сети являют собой ризоморфную (нелинейную) среду. Каждый их корешок (побег, ответвление) обладает креативным потенциалом, так как может добавлять контент, который ранее нигде не выкладывался. Множественность этого спутанного корневища позволяет системе в случае «отрубания» того или иного корешка развиваться далее в других направлениях. На первый взгляд, имеется хаотичное множество различных каналов (площадок, сообществ), но информация там группируется определенным образом. Есть команда, которая формирует повестку дня на ближайшие протесты, она пересылает людей на другие каналы «по интересам». Есть, например, те, которые занимаются только листовками или исключительно речевками. Или только флагами и лозунгами. Есть отдельные «паблики» по «мерчу», то есть со-

путствующей продукции с соответствующей символикой (футболки, толстовки, кружки и так далее)²⁷. Есть каналы, где учат, как бороться с силовиками: как разворачивать «цепку», как противостоять омоновцам при столкновении, что говорить при задержании и допросе. Таким образом, социальные сети стали инструментом формирования определенного отношения к власти, убежденности в своей правоте, перехвата смыслов любых альтернативных ментальных конструкций. Они стали управлять «большой толпой», которая превращается в так называемую «умную толпу»» (Пономарева, 2021).

На примере покушения на суверенитет социально ориентированного государства Белоруссии (которое именовалось «белорусским чудом» — доступное и бесплатное жилье, образование, медицина), хорошо видно, как государство через цифросетевые структуры представляется не как гарант прав и свобод, а также фундамент для жизнеобеспечения граждан, а как главный враг индивидов.

Через цифросетевые структуры ведется направленная дискредитация государственных образований — *через приписывание им именно тех результатов деструкции, которые получены в результате разрушающей деятельности сетевых структур.*

Попытка перехвата трансграничными сетевыми структурами властных полномочий у государств невозможна по определению — в силу функциональных и структурных различий между системными и несистемными построениями. Однако потенцирование их высокоэффективного деструктивного воздействия (терминальной деструкции) на субъекты и объекты социума является одной из основных причин проблем безопасности и результативности институционального управления в период экстремума. Оно (потенцирование) препятствует мобилизации общества, необходимой для наметившегося перехода к новому способу психосоциальной регуляции (может и должен произойти не революционным, а эволюционным путем).

²⁷ См. Приложение 3.

Заключение

Можно подытожить, что такое принципиально новое угрожающее суверенным государствам явление, как *терминальная деструкция, осуществляемая с помощью глобальных цифросетевых структур*, является многофакторным способом разрушения объектов и субъектов социума и проявляет ряд выраженных признаков:

- Со структурной точки зрения налицо все *признаки создания террористических организаций*: структурно-сетевые образования, реализующие акты насыщающего террора, представляют собой многослойное явление, включающее в себя субкультурные группы собственно акторов и их фанатов (в форме цифросетевых объединений), специалистов по технической и модеративной поддержке этих структур в Сети, а также разработчиков и изготовителей атрибутики (от одежды и плакатов до сетевых символов²⁸), продавцов, распространителей, финансирующих структур. Таким образом, группы, модерируемые для *насыщающего террора*, имеют все признаки современного организованного террористического сообщества, активно использующего последние передовые достижения в области научно-технического прогресса.

- С институциональной (государственной) точки зрения это попытка подмены вертикали непосредственно государственных функций «ползучей» *трансграничной сетевой регуляцией*.

- С идеологической точки зрения мы видим попытки терминального *слома базовых культурно-исторических ценностей* и смены многообразия самобытных национальных форм социальной организации на унифицированные стандарты жизненных ценностей.

- С юридической точки зрения мы видим, что при горизонтально ориентированной сетевой организации с ответственностью, распределенной между ее «узлами» (структуру которой принимают «колумбайнеры» и другие группы терминальной деструкции), де-юре и де-факто не существует ответственности ни за принятие решения к подготовке совершения террористического акта, ни за сам терминальный резуль-

тат (ответственность всецело несет исполнитель, если он все-таки остается жив).

Очень важен подтвержденный мировой историей факт: по окончании *экстремального события* всегда происходила быстрая трансформация мотивов и ценностей человеческого поведения (Сундиев, 1996). До сих пор основной интенцией подобной трансформации было объединение для совместного выживания, а затем объединение выживших для дальнейшего совместного проживания. Событие «Пандемия-2020–2021» не только ломает привычный процесс консолидации общества под воздействием экстремального события, но и впервые в истории провоцирует *эффект невозвращения* к норме. Более того, ударная серия локдаунов по всему миру уже привела к необратимому масштабному распаду социальных связей, необходимых для нормального функционирования социума (в семье и школе, в профессиональной деятельности и других ключевых сферах государственного регулирования). Можно прогнозировать, что самовосстановления социальных связей и необходимых черт социальных субъектов не произойдет автоматически, как это наблюдалось ранее в истории — например, после мировых войн XX в., что потребует направленных действий по их регенерации.

Это означает, что объективных предпосылок для минимизации терминальной деструкции социума пока не наблюдается: она продолжается и будет еще более нарастать. Ее основным проводником и ареалом существования будет оставаться цифросетевая среда: для молодых людей, включенных в сетевые объединения, разница между офлайном и онлайн будет все больше нивелироваться и стираться. Скулшутинговые группы для насыщающего террора особо опасны тем, что они могут быть инициированы в любой точке нашей страны, где проведен высокоскоростной интернет. В целях конспирации группы терминальной деструкции будут продолжать мигрировать из сетей в мессенджеры, а из открытого сегмента сетей Интернета — погружаться все глубже в Даркнет (DarkNet²⁹), где еще более расширены возможности

²⁸ См. Приложение 1, 3.

²⁹ См. Глоссарий.

для их внешней модерации. До окончания серии локдаунов в глобальном масштабе и реадaptации государств (институциональных структур) к постпандемической реальности возможны резкие спорадические скачки в увеличении численности и в возрастании активности подобных групп терминально-деструктивной направленности.

Глоссарий

1. **Даннинга — Крюгера эффект** — метакогнитивное искажение, которое заключается в том, что люди, имеющие низкий уровень квалификации, делают ошибочные выводы, принимают неудачные решения и при этом не способны осознавать свои ошибки. Это приводит к возникновению у них завышенных представлений о собственных способностях.

2. **Аддиктивное поведение** (от англ. addiction — «склонность, пагубная привычка»; лат. addictus — «рабски преданный») — особый тип форм деструктивного поведения, которые выражаются в стремлении к уходу от реальности посредством специального изменения своего психического состояния.

3. **Вертера эффект; синдром Вертера** — массовая волна подражательных суицидов, которые совершаются после самоубийства, широко освещенного СМИ либо описанного в популярном произведении литературы (кинематографа).

4. **Даркнет** (англ. DarkNet, также известна как «Скрытая сеть», «Темная сеть», «Теневая сеть», «Темный Веб») — скрытая сеть, соединения которой устанавливаются только между «доверенными» лицами, иногда именующимися как «друзья», с использованием нестандартных протоколов и портов. Даркнет отличается от других распределенных одноранговых сетей, поскольку файлообмен происходит анонимно (IP-адреса недоступны публично) и, следовательно, пользователи могут общаться вне системы государственного мониторинга и, соответственно, правового регулирования.

5. **Деструктивная группа** — разновидность объединения людей, чья практика признается компетентными социальными институтами деструктивной в отношении: личности в данном обществе, психического и/или физического здоровья, гарантированных прав и свобод

человека; самого социума, его сложившейся традиционной структуры, культуры, норм общественного порядка, ценностей и образа жизни.

6. Деструктивное поведение (деятельность) — физические или вербальные проявления деятельности индивида, направленные на разрушение чего-либо. Такое поведение в некоторых случаях является следствием защитного механизма идентификации с агрессором, который используется то против внутренней, то против внешней силы. В качестве объектов деструктивного поведения субъект чаще всего выбирает коммуникацию между людьми, отношения между ними, собственное эмоциональное и физическое состояние, предметы материального мира и т.д. Субъект деструктивного поведения открывает свой внутренний мир для разрушения, в связи с чем происходит отождествление с агрессивным асоциальным окружением. Деструктивное поведение может регулироваться различными ритуалами. Часто словосочетание «деструктивное поведение» употребляется как синоним понятия «девиантное поведение».

7. Дизонтогенез — нарушение развития психики в целом или ее отдельных составляющих, нарушение темпов и сроков развития отдельных сфер психики и их компонентов.

8. ДНД — добровольные народные дружины. Были сформированы в 1958 г. коллективами некоторых предприятий Ленинграда для охраны общественного порядка. Основываясь на этом опыте, ЦК КПСС и Совет Министров СССР 2 марта 1959 г. приняли постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Это постановление стало основным политическим и юридическим документом, определившим задачи, полномочия и формы организации ДНД. В 1984 г. в СССР насчитывалось 282 тыс. дружин (в составе которых действовало 40 тыс. оперативных комсомольских отрядов), 50 тыс. пунктов охраны общественного порядка и 13 млн дружинников, ежедневно на дежурство выходили до 400 тыс. человек.

9. ДОСААФ СССР — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту СССР (1951). ДОСААФ РФ — преемник ДОСААФ СССР. В настоящее время общероссийская общественно-государственная организация, цель которой — содействие укреплению обороноспо-

собности страны и национальной безопасности. С 2016 г. соучредитель движения «Юнармия».

10. Инсургенты (лат. *insurgentes* — «повстанцы») — вооруженные отряды гражданского населения, противостоящие властям. В наше время используется также выражение «вооруженные диссиденты».

11. Информационно-голографические экраны (ИГЭ) — морфологические структуры головного мозга человека, на которых происходит процесс информационного взаимодействия между внутренней информационной средой человека с внешней (социокультурной) средой, имеющей в норме императивное значение (Судаков, 2007).

12. Зоопопуляции. Деятельность отдельных индивидов направлена на достижение общих, полезных для популяции результатов. В качестве таких результатов выступают общие источники питания, защиты, половые партнеры и даже альтруистические результаты. Любая популяция живых существ, начиная с простейших, вирусов, микробов, насекомых и кончая стадными животными и человеком, стремится к устойчивой организации, направленной против энтропии. В социальных организациях отдельные индивиды объединяются в семейные, специальные, профессиональные, государственно-экономические структуры — страны — ФС со своими специфическими задачами, целями и результатами. Отдельные индивиды, семейные, производственные, административные и государственные группы в их иерархическом соподчинении составляют элементы ФС социально-экономических человеческих сообществ (Судаков, 2007).

13. Колумбайн (самоназвание), **скулшутинг** — устоявшееся обозначение деструктивного молодежного движения в научной психологической, педагогической и юридической литературе. Другие используемые названия *school shooting*, «школьная стрельба», «школьные стрелки», «шутинг», «колорадские стрелки», «клмб», а также названия, сходные до степени смешивания. Свое начало движение получило в связи с массовым убийством в школе «Колумбайн» (англ. *Columbine High School massacre*) — спланированное нападение двумя учениками старших классов школы «Колумбайн» Эрика Харриса и Дилана Клиболда на других учеников и персонал этой школы, совершенное 20 апреля

1999 г. с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 13 человек (12 учеников и одного учителя), ранили еще 23 человека, после чего застрелились сами.

14. **Контент** (от английского content — «содержание») — абсолютно любое информационно значимое либо содержательное наполнение информационного ресурса или веб-сайта.

15. **Нетсталкинг** — в широком смысле «путешествие» по малоизведанным уголкам Мировой сети, включая «спуск» в «глубокий Интернет» — Даркнет (Darknet). В узком смысле — конспирологическая теория, согласно которой существует еще несколько тайных уровней Интернета, созданных, предположительно, секретными правительственными организациями. Легенда гласит, что доступ к ним имеют лишь спецслужбы, а также посвященные («инсайдеры»).

16. **ОСВОД (Общество спасания на водах)** — советская, российская и белорусская добровольная массовая общественная организация, имеющая целью охрану жизни и здоровья людей на водоемах (предупреждение несчастных случаев, обучение населения плаванию и способам спасания), помощь спасательным службам, упорядочение использования маломерных судов судоводителями-любителями.

17. **Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР)** — психиатрический и психологический синдром, характеризующийся фрустрациями, страхами, чувством одиночества и бесперспективности, ожиданием угрозы, а также флешбэками — оживлением негативных переживаний из прошлой жизни, ночными кошмарами, бессонницей, раздражительностью и вспышками гнева, домашнем насилии, избеганием контактов с людьми.

18. **Психосоциальная формация** — функциональное построение социума, системообразующим фактором которого являются информационно-смысловые конструкты (доминирующие над масс-кинетическими на основе морально-нравственных качеств человека). Это позволяет «сдерживать энтропию» еще более эффективно, чем это делает зоопопуляция: человек может осознанно управлять причинно-следственными связями масс-кинетического (материального) мира, а также регулировать психосоциальные, производственные и природ-

но-экологические процессы, воздействуя сверху вниз с иерархически более высокого уровня системной организации, — удовлетворять высшие потребности личности в творческой созидательной деятельности. С точки зрения синергетики как науки о развитии систем, по заключению С.П. Курдюмова и Г.Г. Малинецкого (Курдюмов, Малинецкий, 2003), а также С.П. Капицы (Капица, 2013), наблюдаемый «кризис кризисов» — это специфический переходный период, когда все уровни системных построений находятся в режиме с обострением — «социум регулируется не только прошлым, но и уже будущим» — какие-то части глобальной социальной системы программируются прежним аттрактором, а какие-то уже регулируются новым аттрактором исторического процесса (Панов, 2005). Для осуществления перехода от устаревших зоопопуляционных способов регуляции социума к психосоциальной формации требуется функционирующая устойчивая платформа как опора вертикали социального государства, обеспечивающая удовлетворение высших потребностей через науку, образование и воспитание. Все необходимые предпосылки для этого имеются: по Конституции РФ наше государство является социальным государством (а источником власти является народ).

19. **Сетевые структуры**. «Сеть — структура, в которой отсутствует единый центр (лидер, доминант), так что ее поведение является результатом кооперативных взаимодействий между элементами (узлами), среди которых могут быть несколько частичных лидеров с ограниченным воздействием на систему. Следует отметить, что Всемирная паутина устроена во многом именно по данному организационному принципу» (Олескин, 2016).

20. **Теория поколений X, Y, Z**. Американские ученые Нейл Хоув и Уильям Штраус предложили в 1991 г. теорию поколений, согласно которой каждые 20–25 лет появляется новое поколение людей, которое отличается от предыдущих привычками, характером, ценностями и целями: молчаливое поколение (родившиеся в 1923–1943 гг.), беби-бумеры (родившиеся в 1943–1963 гг.); поколение X (родившиеся в 1963–1984 гг.); поколение Y (родившиеся в 1984–2004 гг.); поколение Z (родившиеся в 2004 г. и позже).

21. **Функциональные системы (ФС)**, отработанные миллионами лет эволюционного развития, можно рассматривать как самоорганизующиеся единицы Универсума. При этом, подобно голограммам, *каждый элемент, включенный в функциональную систему, отражает ее состояние, а каждая система — свойства системы более высокого уровня, в которую она, в свою очередь, включается в качестве составного элемента*. Оценка информации в функциональных системах осуществляется имеющимся в их архитектонике аппаратом предвидения и оценки потребных результатов действия — Акцептором результата действия (является системообразующим фактором; Судаков, Кузичев, Николаев, Щелканов, 2010).

Приложение 1

Скриншоты (содержание смартфонов и компьютеров колумбайнеров); 2020 г.

Текстовая запись размещенная 29.10.2019 в 17 ч. 56 мин. следующего содержания:

«- Эй Дикан что ты делаешь?
 - Да просто людей убиваю
 - Меня ты тоже убьешь?
 - Что?
 - Ты меня убьешь?
 - ... Нет старик просто уберись отсюда бегги (Zero hour)», под которой размещено два изображения молодого человека.
 Изображение молодого человека в капюшоне и балаклаве, размещенное 28.09.2019 в 07 ч. 34 мин.
 Изображение молодого человека рядом с бюстом И.В. Сталина, размещенное 22.09.2019 в 16 ч. 19 мин.
 Изображение молодого человека держащего в руках два патрона (либо две пистолы), размещенное 31.08.2019 в 07 ч. 57 мин.
 Изображение молодого человека в головном уборе и балаклаве на фоне моста «Сартов - Энгельса», размещенное 06.08.2019 в 19 ч. 10 мин.
 Далее осмотру подлежат раздел «Видеозаписи», состоящий из 37 видеоматериалов. Среди указанных материалов, имеется видео «Колумбайн 11.05.2017» (длительность 03 мин. 04 сек.).
 Далее осмотру подлежат раздел «Фотографии», состоящий из 118 фотоматериалов. Среди указанных материалов, имеется ряд изображений, посвященных т.н. «Колумбайновской тематике».

Приложение 2

Таблица 3. Предотвращенные нападения. Количество предотвращенных нападений значительно превышает количество реально совершенных нападений (данные по совершенным нападениям см. в табл. 1)

Дата	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
28.08.2018	СОШ №1 города Ивантеевки Московской области	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
15.10.2018	СОШ №23 города Омска	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
22.10.2018	СОШ №20 города Йошкар-Олы	Одно лицо, холодное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
02.11.2018	Красноярский техникум пищевой промышленности	Одно лицо, холодное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
10.11.2018	СОШ №44 города Симферополя	Одно лицо, самодельное взрывное устройство (СВУ)	Задержан. Меры медицинского характера
12.11.2018	Краснянская СОШ (Волгоградская область)	Одно лицо, холодное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
18.11.2018	Омский государственный университет	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
25.11.2018	СОШ №78 города Омска	Одно лицо, холодное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
29.11.2018	Ясногорский технологический техникум (Тульская область)	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
26.12.2018	Павловский лицей (Омская область)	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
29.12.2018	Сибирский профессиональный колледж (город Омск)	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)

Таблица 3. Продолжение

Дата	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
25.01.2019	СОШ №1 поселка Абалаково Красноярского края	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
28.01.2019	Орловский государственный университет экономики и торговли	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
03.02.2019	СОШ №9 города Читы	Два лица	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
21.02.2019	СОШ №3 города Майкопа	Два лица, СВУ	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 1, ст. 205)
21.02.2019	СОШ №30 города Хабаровска	Одно лицо, обрез охотничьего ружья	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 1, ст. 205)
24.02.2019	СОШ №92 города Могочи Забайкальского края	Два лица, СВУ	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
22.04.2019	СОШ №45 города Читы	Два лица, зажигательные смеси	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
08.05.2019	Казанский колледж технологии и дизайна	Одно лицо, СВУ	Задержан, помещен на принудительное лечение
23.05.2019	СОШ №6 города Симферополя	Одно лицо, СВУ	Объявлено официальное предостережение
28.05.2019	СОШ №1 поселка Мурыгино Кировской области	Одно лицо, СВУ, зажигательные смеси	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105), меры медицинского характера
03.07.2019	СОШ №29 города Прогресс Свердловской области	Одно лицо, СВУ	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
17.07.2019	СОШ №41 города Тольятти	Одно лицо, СВУ	Задержан. Меры медицинского характера

Таблица 3. Продолжение

Дата	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
29.08.2019	СОШ №1 города Кушвы	Два лица, СВУ	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
20.09.2019	СОШ №23 города Кирова	Одно лицо, холодное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
18.10.2019	Икшинская СОШ (Московская область)	Одно лицо, холодное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105), осужден
24.10.2019	Луховицкий аграрно-промышленный техникум в городе Зарайске Московской области	Одно лицо, пистолет, переделанный под стрельбу боевыми патронами	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
02.01.2020	СОШ №3 города Омска	Одно лицо	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
02.01.2020	СОШ №1 города Пущино Московской области	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
21.01.2020	СОШ №125 города Снежинска Челябинской области	Два лица, огнестрельное оружие	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
18.02.2020	Керченский политехнический колледж	Два лица, огнестрельное оружие	Задержаны (ВУД ст. 30, ч. 1, ст. 205)
20.02.2020	СОШ №40 города Воркуты	Одно лицо	Задержан. Меры медицинского характера
25.02.2020	СОШ №14 города Саратова	Два лица, огнестрельное оружие	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
10.03.2020	Атамановская СОШ города Читы	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
23.03.2020	Сахалинский горный техникум	Два лица, огнестрельное оружие, СВУ	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 1, ст. 205)
10.04.2020	Кингисеппская гимназия Ленинградской области	Одно лицо	Задержан. Меры медицинского характера

Таблица 3. Продолжение

Дата	Место происшествия	Оружие, количество нападавших, пострадавших	Итог для нападавшего
15.04.2020	СОШ №53 города Красноярска	Одно лицо, СВУ	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 1, ст. 205)
20.04.2020	Чикчинская СОШ Тюменской области	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
24.04.2020	СОШ №20 города Ленинска-Кузнецкого	Одно лицо, огнестрельное и холодное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
11.06.2020	СОШ №61 города Волгограда	Одно лицо, зажигательные смеси	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
15.07.2020	СОШ №92 города Тюмени	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
06.08.2020	Калужский кадетский многопрофильный техникум	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан. Меры медицинского характера
17.08.2020	СОШ №9 города Енисейска	Одно лицо, СВУ	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 1, ст. 205)
18.08.2020	Здание полиции Хабаровского края	Два лица, СВУ, зажигательные смеси	Задержаны (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
25.08.2020	Гимназия №1 города Минусинска	Одно лицо, СВУ	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 1, ст. 205)
27.08.2020	Места с массовым скоплением людей в городе Протвино Московской области	Одно лицо, СВУ	Задержана (ВУД ст. 30 ч. 1, ст. 205)
28.08.2020	СОШ №18 города Кирова	Одно лицо, холодное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
28.09.2020	Гимназия №16 города Волгограда	Одно лицо, СВУ	Задержан. Меры медицинского характера
22.10.2020	Плешковская СОШ (Тюменская область)	Одно лицо, огнестрельное оружие	Задержан (ВУД ст. 30 ч. 2, ст. 105)
Из таблицы хорошо видно, что подготовка к совершению актов скулшутинга продолжалась и во время действия режима самоизоляции, когда подростки находились на дистанционном обучении, как в первую волну пандемии, так и во вторую волну.			

Таблица 4. Информация по количеству групп тематики скулшутинга в социальной сети ВКонтакте

Название	Количество сообществ	Количество заблокированных сообществ	Количество подписчиков
Колумбайн	22	0	>1000
Естественный отбор	234	0	15 000
Natural selection	192	0	5000
Wrath	244	0	30 000
Гнев	263	0	50 000
Ненависть	712	1	100 000
Убийцы	76	0	700 000
Эрик Харрис	0	0	0
Дилан Клиболд	0	0	0
Дилан Руф	0	0	0
Владислав Росляков	1	0	>1000
Митчелл Джонс	0	0	0
Эндрю Голден	0	0	0
Джеффри Уиз	0	0	0
Сын Чи Хо	0	0	0
Керченский стрелок	0	0	0
Скулшутинг	3	0	>1000
Школьная стрельба	0	0	0
delete my life	0	0	0
Columbine	13	0	>1000
Колумбина	7	0	>1000
Брейвик	36	0	>1000
Итого:	1803	1	906 000
Итого уникальные:	1803	1	750 000

Таблица 5. Информация по количеству групп тематики скулшутинга в социальной сети Одноклассники

Название	Количество сообществ	Количество заблокированных сообществ	Количество подписчиков
Колумбайн	1	0	>100
Естественный отбор	6	0	>100
Natural selection	0	0	0
Wrath	0	0	0
Гнев	140	0	85 000
Ненависть	666	0	160 000
Убийцы	759	0	25 000
Эрик Харрис	0	0	0
Дилан Клиболд	0	0	0
Дилан Руф	0	0	0
Владислав Росляков	0	0	0
Митчелл Джонс	0	0	0
Эндрю Голден	0	0	0
Джеффри Уиз	0	0	0
Сын Чи Хо	0	0	0
Керченский стрелок	0	0	0
Скулшутинг	0	0	0
Школьная стрельба	0	0	0
delete my life	0	0	0
Columbine	0	0	0
Колумбина	3	0	>1000
Брейвик	1	0	>100
Итого:	1728	0	208 300
Итого уникальные:	1728	0	180 000

Таблица 6. Информация по количеству групп криминальной тематики в социальной сети Instagram

Название	Количество сообществ	Количество публикаций по тегу	Количество подписчиков
Колумбайн	19	1568	3000
Естественный отбор	25	16 069	5000
Natural selection	45	105 544	150 000
Wrath	50	167 329	120 000
Гнев	15	67 110	1500
Ненависть	10	265 069	1500
Убийцы	12	17 610	24 000
Эрик Харрис	15	440	1000
Дилан Клиболд	20	456	>200
Дилан Руф	1	4	>100
Владислав Росляков	0	300	0
Митчелл Джонс	0	0	0
Эндрю Голден	0	0	0
Джеффри Уиз	0	0	0
Сын Чи Хо	0	0	0
Керченский стрелок	0	175	0
Скулшутинг	0	182	0
Школьная стрельба	0	0	0
delete my life	20	39	1000
Columbine	21	432 383	300 000
Колумбина	0	143	0
Брейвик	0	214	0
Итого:	253	1 074 635	607 300
Итого уникальные:	253	1 074 635	524 000

Таблица 7. Информация по количеству групп скулшутинг-тематики в социальной сети Facebook

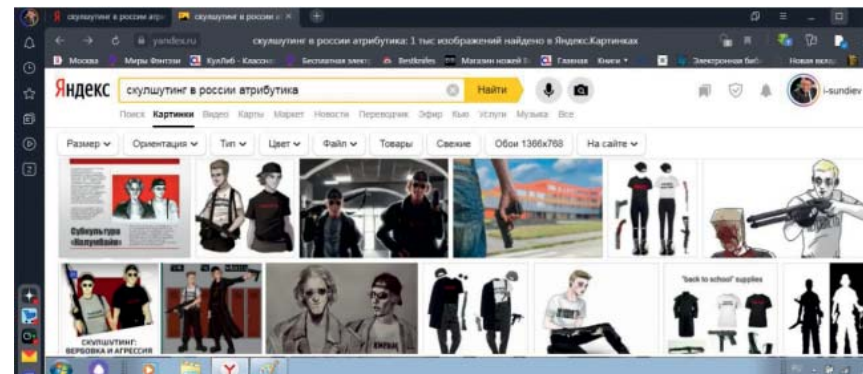
Название	Количество сообществ	Количество заблокированных сообществ	Количество подписчиков
Колумбайн	0	0	0
Естественный отбор	0	0	0
Natural selection	100	0	1000
Wrath	100	0	1000
Гнев	0	0	0
Ненависть	0	0	0
Убийцы	0	0	0
Эрик Харрис	0	0	0
Дилан Клиболд	0	0	0
Дилан Руф	0	0	0
Владислав Росляков	0	0	0
Митчелл Джонс	0	0	0
Эндрю Голден	0	0	0
Джеффри Уиз	0	0	0
Сын Чи Хо	0	0	0
Керченский стрелок	0	0	0
Скулшутинг	0	0	0
Школьная стрельба	0	0	0
delete my life	0	0	0
Columbine	20	0	4000
Колумбина	0	0	0
Брейвик	0	0	0
Итого:	220	0	6000

Таблица 8. Анализ просмотров по хэштегам TikTok

Хэштег	Просмотры	Количество видео
Колумбайн	4 700 000	Более 1000
Естественный отбор	760 000	Более 1000
Natural selection	14 000 000	Более 1000
Wrath	31 300 000	Более 1000
Гнев	49 300 000	Более 1000
Ненависть	54 200 000	Более 1000
Убийцы	18 600 000	Более 1000
Эрик Харрис	663 000	Более 1000
Дилан Клиболд	688 000	Более 1000
Дилан Руф	8800	Менее 10
Владислав Росляков	2900	Менее 10
Керченский стрелок	62	1
Скулшутинг	8000	11
delete my life	20 700	10
Columbine	26 400 000	Более 1000

Приложение 3

Пример обилия пабликов с символикой деструктивных групп в открытом доступе и по мерчу (коммерческой «сопутствующей продукции»): постеров, футболок, толстовок, камуфляжной одежде и т.п.

Показательно, что для «не посвященных» в тематику скулшутинга многие из символов, нанесенных, например, на футболки и толстовки, могут восприниматься как относительно нейтральные.

Для разработки символики и производства мерча привлекаются дизайнеры, психологи, специалисты по символике и маркетологи, развернута высокотехнологичная производственная база, отлажена логистика и открытая система продаж с помощью электронных площадок и курьерской службы с доставкой на дом.

Кружка "Белая НЕХТА"
Кружки 27\$

Источник: <https://nexta.news/merch/>

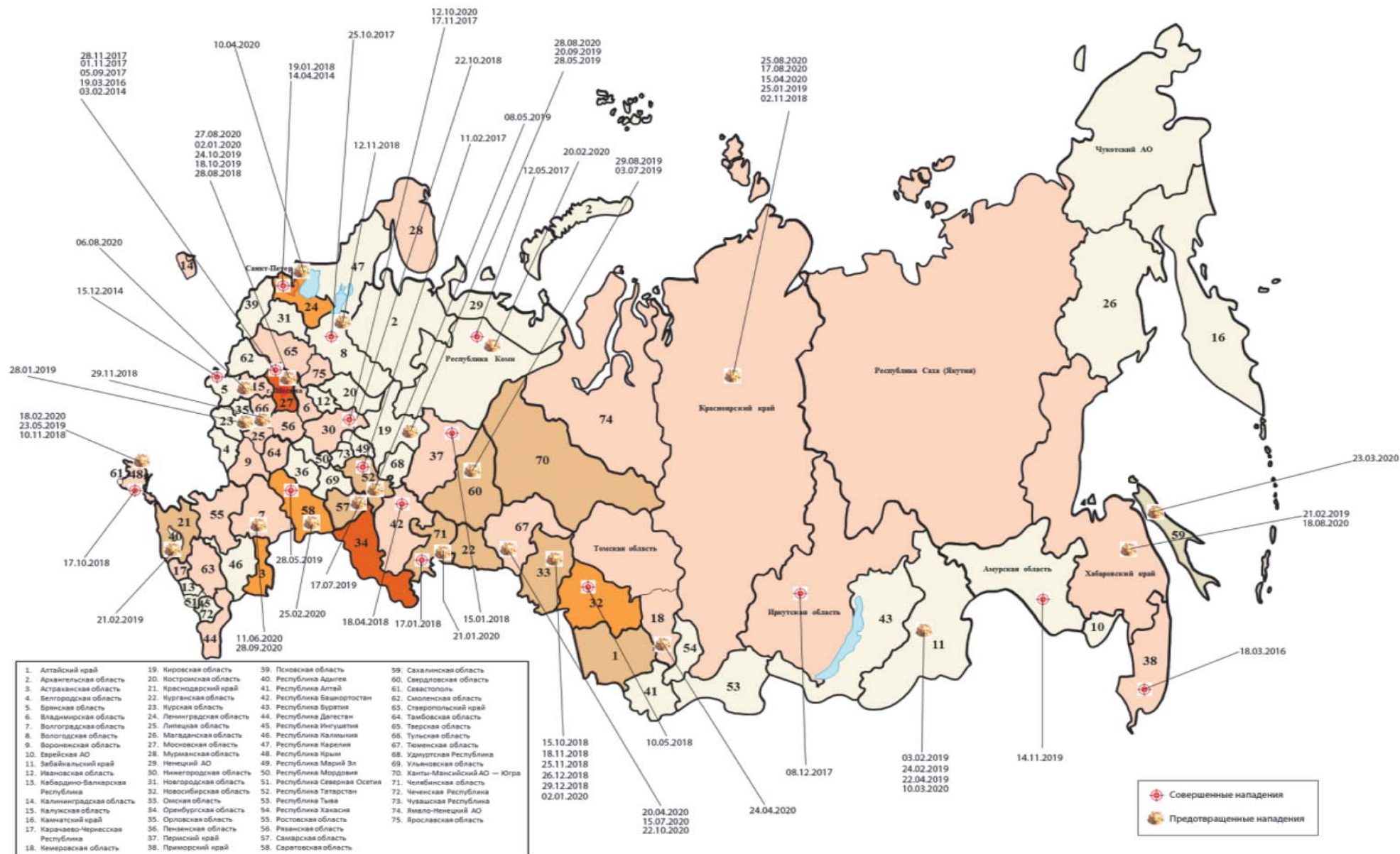

Футболка "Убывай" Белая
Футболки 29\$

Источник: <https://nexta.news/merch/>

Приложение 4

Распределение совершенных и предотвращенных актов скулшутинга по территории Российской Федерации за 2014–2020 гг.

Приложение 5

Таблица 9. Пример рассмотрения социально значимых явлений через «методологический поляризационный фильтр»

Горизонтальная сетевая регуляция	Вертикальная регуляция ФС
Доминирование внутренней информационной среды над внешней, эффект закукливания, синдром пространства, свернутого внутрь, внутренний мир превалирует над внешним миром, индивид как автономная вселенная	Доминирование внешней информационной среды над внутренней (развернутость ИГЭ-экранов для взаимодействия с построениями высокого уровня сложности), антропный принцип — человек как значимый элемент развития мироздания
Разрушение традиционных институциональных связей между индивидом и обществом, уход в дауншифтинг, к альтернативным (девиантным) формам поведения	Включенность личности в функциональные связи с институциональными структурами через профессиональную деятельность (член семьи, коллектива, общества — гражданин)
Передача государственными структурами функций управления (на аутсорсинг) трансграничным сетевым экспертным структурам («лучший мировой опыт»), перекладывание ответственности за принятие решений на интересантов и иностранных лоббистов (иноагентов)	Выполнение государственными структурами функций принятия решений (формирование модели результата деятельности) и контроль (обратная связь) за этими результатами; соответственно — ответственность (де-юре и де-факто) за принятые решения и их реализацию
«Экономикс» как «деньги из воздуха», трансграничная сетевая регуляция через «финансовые пузыри», криминальные схемы («деньги не пахнут»), искусственное неравенство и искусственный дефицит, расходование невосполнимых ресурсов планеты на избыточное потребление (стимулирование потребительского спроса через неостанавливаемый рост ВВП)	Экономика как домостроительство, самодостаточный автономный глобальный производственный контур (цифровая логистика, банковские переводы, автоматизированное производство), позволяющее обеспечивать базовые витальные функции человеческой популяции в пище, одежде, экологичном жилье, образовании и здравоохранении
Индивидуальный статус связан с рангом «узла» в Сети, для 50+ наличием капитала, для поколений Y и Z — непосредственно с местом в сетевом сообществе (лайки — дизлайки, количество просмотров)	Социальный статус обусловлен вкладом личности в результаты социального строительства через профессиональную деятельность
Смысл существования — получить как можно больше впечатлений и удовольствий: жизнь как приключение или путешествие, эгоизм — пожить для себя, любимого («бери от жизни все!»)	Смысл жизни — реализация творческих потребностей в социально значимой профессиональной деятельности (невозможна без навыка работы в коллективе, как в качестве руководителя, так и в качестве подчиненного)

Таблица 9. Продолжение

Горизонтальная сетевая регуляция	Вертикальная регуляция ФС
Низкий психофизиологический расход (сопровождается эйфорией) за счет доминирования лимбической системы («хочу!») — дополнительный источник энергии для развлечений и/или агрессивного поведения	Высокий психофизиологический расход (сопровождается дисфорией) на результативную трудовую деятельность за счет использования ресурсов большой коры головного мозга
Индивид: «Свобода от...»	Личность: «Свобода для...»
Интенция виновности (особенно для элементов ФС в развитии): индивид как потенциальный нарушитель	Презумпция невиновности для всех субъектов социума: индивид как потенциальный элемент развития
«Перелицовка» старых произведений искусства — ремейки популярных кинофильмов и мультфильмов, «ветвящиеся» и «фрактальные» сериалы с участием сквозных персонажей, сиквелы и параквелы как новый жанр литературы	Создание новых художественных произведений литературы, живописи, кинематографии (на языке искусств), несущих смыслы развития как понятный для всех образ светлого будущего, развитие сложившихся этических и эстетических форм
Отсутствие эмпатии с элементами проявления социальной психопатии шизоидного типа (жестокость, черствость, «переобувание в прыжке»: «Ну, вымрет 30 миллионов... они не вписались в рынок»)	Эмпатия как нравственное сострадание, милосердие, гуманизм, восприятие чужой боли (и физической, и душевной) как своей собственной, принятие решений на основе морально-нравственных критериев
Переписывание и уничтожение истории (исторической памяти)	Историческая преемственность смыслов как основа образа будущего
«Утилизация избыточного населения», «внешняя стратификация», «мировое правительство» — деструктивные (терминальные) методы консервации сложившегося миропорядка	«Выход на плато» (С.П. Капица) — в основе регуляции численности населения лежат процессы развития, переход к новым формам развития психосоциальной формации
Унификация, стандартизация, ритуализация: (на примере разрушения исторического облика городов — уничтожение памятников, объектов зодчества и др.), «реставрация» до неузнаваемости	Разнообразие, отграничение, умеренная конфликтность — сохранение существующих, например, исторических памятников, реставрация наряду с созданием новых форм в развитии, развитие новых архитектурных форм

Источники

1. Аниськина Э.Г., Муллахметова Н.Е. Объединения деструктивного характера: уголовно-правовые и виктимологические аспекты // Вестник СГЮА. 2019. №3, с. 164–170.

2. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избранные труды. М.: Наука, 1978, с. 263.

3. Апрельские тезисы – 2020. Авт. коллектив: Щербаков А.В., Колесова Л.А., Буданов В.Г., Малков С.Ю., Олескин А.В., Алтунин А.А., Костенко Б.И., Курдюмов В.С., Белотелов Н.В., Рыжов В.А., Лобачев Н.Ю., Белоусов П.В. [Электронный ресурс] Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика» // URL: <http://spkurdyumov.ru/future/aprelskie-tezisy-2020-priglasenie-k-shirokoj-diskussii/2/>.

4. Ашманов И. Ментальные эпидемии. [Электронный ресурс] Завтра. Блоги. URL: http://zavtra.ru/blogs/mental_nie_epidemii.

5. Ашманов И., Касперская Н. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. Крибрум, М., 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kribrum.ru/monitoring/>.

6. Баландина А. Депрессия и фобии: как дистанционка отразилась на школьниках. Эксперты объяснили, как спасти детей от депрессии после пандемии. [Электронный ресурс] Газета.ru // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/09/14/13250570.shtml>.

7. Берк Дж. Guardian: как изменяющиеся медиа меняют терроризм. [Электронный ресурс] The Guardian <https://www.theguardian.com/world/2016/feb/25/how-changing-media-changing-terrorism>.

8. Веб-сайт ООН: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org>. Дата обращения 25.03.2019.

9. Вернадский В.И. О состояниях физического пространства / В.И. Вернадский. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

10. ВОЗ, Европейский портал информации здравоохранения, Психическое здоровье – 2021. [Электронный ресурс] // European Health Information Gateway. URL: <https://gateway.euro.who.int/ru/themes/mental-health/> 2021.

11. Глухарев Д.С. Предупреждение террористических актов на объектах системы образования // Инновационное развитие профессионального образования. 2014. Т. 6. №2, с. 10–13.

12. Гридин И. ВОЗ бьет тревогу из-за роста числа психических расстройств на фоне пандемии. [Электронный ресурс] // Новый день. 2020. 28 августа. URL: <https://newdaynews.ru/coronaviruscovid-19/701240>.

13. Группа социальная / Дубовская Е.М. // Григорьев. Динамика. М.: Большая российская энциклопедия, 2007, с. 86 (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / Гл. ред. Ю.С. Осипов; 2004–2017, т. 8).

14. Давыдов Д.Г. Военная идентичность как компонент общественного сознания // Социальные науки и современное общество. 2011. №1, с. 65–76.

15. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. №4(32), с. 62–76.

16. Дворкин А.И. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород, 2014, с. 37.

17. Егорова Т.В. Неформальные объединения молодежи деструктивной направленности — современная угроза социальной стабильности // Современные исследования социальных проблем. 2011. №2, с. 48–52.

18. Зиновьева П. Социолог объяснил, почему оппозиция выбрала «Тик-ток» для призывов к митингам. [Электронный ресурс] Рамблер-новости // URL: https://news.rambler.ru/internet/45657848/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

19. Злоказов К.В. Деструктивное поведение в различных контекстах его проявления // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. №7, с. 32–36.

20. Змановская Е.В. Девиантология. М., 2014, с. 10–12.

21. Иванов А. Субботняя провокация: ставка на детей. [Электронный ресурс] Газета «Завтра» // URL: https://zavtra.ru/events/subbotnyaya_provokatciya_stavka_na_detej.

22. Интернет-проект «Большая игра «Сломай систему» признан экстремистским // ИА REGNUM. [Электронный ресурс] 2 марта 2010 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/1258963.html?forprint> (дата обращения: 03.03.2013); Создатель интернет-проекта «Большая игра. «Сломай систему» за планы «бархатной» революции в РФ осужден на 9 лет // Право.ru. 30 сентября 2011 г. <http://pravo.ru/news/view/61736/> (дата обращения: 03.03.2013).

23. С.П. Капица в Программе «Гордон» («Диалоги»): «Как развивается мир». [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://youtu.be/SUf-NxyTlkg8>.

24. Капица С.П. История десяти миллиардов. [Электронный ресурс] // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: <http://spkurdyumov.ru/biology/istoriyadesyati-milliardov/>.

25. Ларинцева А. «Большая игра» завела в колонию. [Электронный ресурс] Коммерсантъ. 2009. 28 янв. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1109376> (дата обращения: 03.03.2013).

26. Малинецкий Г.Г., Потапов А.Б. Джокеры, русла или поиски третьей парадигмы. [Электронный ресурс] / Синергетическая парадигма. М., 2000 // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: <http://spkurdyumov.ru/introduction/dzhokery-rusla/>.

27. Марков А. Информационная безопасность в условиях пандемии COVID-19. [Электронный ресурс] РСМД // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyakh-pandemii-covid-19/?sphrase_id=35369216.

28. Менцер Ф., Хиллс Т. Цена бесплатной информации: необходимо понять, как алгоритмы и манипуляционные технологии используют наши когнитивные искажения и предубеждения — только так можно их победить. [Электронный ресурс] Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2021/02/cena-besplatnoj-informacii.pdf>.

29. Мосолов С.Н. Проблемы психического здоровья в условиях пандемии COVID-19. [Электронный ресурс] // Журнал неврологии

и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. №120, с. 7–15. URL: <https://www.mediasphera.ru/issues/zhurnal-nevrologii-i-psikhiatrii-im-s-s-korsakova/2020/5/1199772982020051007>.

30. Нападения в российских школах. [Электронный ресурс] // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/story/napadeniia-v-rossiiskikh-shkolakh> — (дата обращения 25. 11.2018).

31. Наумова Е.С. Почему митингует молодежь? [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина (центр научной политической мысли и идеологии) // URL: <https://rusrand.ru/analytics/pochemu-mitinguet-molodyoj> (дата обращения 23 июня 2017 г.).

32. Национальные проекты России. [Электронный ресурс] Национальные проекты // URL: <https://национальныепроекты.рф/projects> «Национальные проекты» — информационный ресурс о планах развития страны на ближайшее будущее и мерах по улучшению качества жизни людей. Материалы подготовлены объединенной редакцией АНО «Национальные приоритеты» и информационного агентства ТАСС©2021.

33. Олескин А. Сравнение социальных и биологических сетевых структур (на примерах экологических движений и природных экосистем), 2020. [Электронный ресурс] Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/sravnenie-socialnyx-i-biologicheskix-setevyx-struktur/>.

34. Олескин А.В. Децентрализованные сетевые структуры в экономической и политической сферах. Сетевой социализм и сетевая меритократия. [Электронный ресурс] Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/decentralizovannye-setevye-struktury-v-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-sferax-setevoy-socializm-i-setevaya-meritokratiya/2/>.

35. Панов А.Д. Кризис планетарного цикла универсальной истории. М.: НИИЯФ МГУ, 2005.

36. Переслегин С.Б. Насыщающее террористическое нападение / Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М., СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2005, с. 619.

37. Пироженко В. Китайско-американская сделка: TikTok остается в США. Конкуренция между США и Китаем — это конкуренция меж-

ду тесно связанными и переплетенными между собой экономиками. [Электронный ресурс] Фонд стратегической культуры // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/09/23/kitajsko-amerikanskaja-sdelka-tik-tok-ostaetsja-v-us-51895.html>.

38. Пономарева Е.Г. Поперек батьки: об адской кухне белорусских протестов. [Электронный ресурс] Завтра. Блоги. URL: https://zavtra.ru/blogs/poperyok_bat_ki.

39. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986, с. 16, 160, 316–319.

40. Программа «Гордон»: «Как развивается мир». Интервью С.П. Капицы. [Электронный ресурс] Youtube // URL: <https://youtu.be/SUfNxyTlkg8>.

41. Происшествия // Аргументы и факты: [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: <http://www.aif.ru/incidents> (дата обращения 25.11.2018).

42. Протестный TikTok: как соцсеть для подростков стала полем политической битвы. [Электронный ресурс] НТВ новости // URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2502640/>.

43. Российские геймеры вступились за честь Красной армии. [Электронный ресурс] RT на русском // URL: <http://russian.rt.com/article/13095> (дата обращения: 27.07.2013).

44. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: Учебное пособие. М.: Генезис, 2007.

45. Случаи нападений в российских школах в 2017–2018 годах. Досье. [Электронный ресурс] // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/info/4885783> — (дата обращения 25. 11.2018).

46. Соловьева О. Государственные стратегии для России пишут иностранные агенты. Зарплату чиновники получают сами, а работают за них западные аналитики [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2018. 30 января. URL: https://www.ng.ru/economics/2018-01-30/1_7161_strategy.html.

47. Социальный договор. Авт. коллектив: Щербаков А.В., Буданов В.Г., Белотелов Н.В., Колесова Л.А., Курдюмов В.С., Олескин А.В. Ин-

ститут социально-экономического прогнозирования им. Д.И. Менделеева, Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова. М.: Грифон, 2019.

48. Степанцева О. Субкультура геймеров в контексте информационного общества: дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2007.

49. Судаков К.В. Избранные труды. М.: ГУ НИИ нормальной физиологии им. П.К. Анохина РАМН, 2007. Т. 1 Развитие теории функциональных систем, 2007, с. 89, 174–218, 233–234.

50. Судаков К.В. Информационный эмоциональный резонанс. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008, с. 27.

51. Судаков К.В., Кузичев И.А., Николаев А.Б., Щелканов В.И. Эволюция терминологии и схем функциональных систем в научной школе П.К. Анохина. М., 2010, с. 80.

52. Сундиев И.Ю. Социальные и психологические экстремальные процессы. М., 1996.

53. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Глобальная смена: Что делать? // Экономические стратегии. 2020. №1, с. 108–117. DOI: 10.33917/es-1.167.2020.108–117.

54. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Наука в период «переквантования реальности» и информационно-когнитивные механизмы социальной деструкции // Экономические стратегии. 2019. №5, с. 70–81. DOI: 10.33917/es-5.163.2019.70–81.

55. Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. Социальное государство как платформа для переквантования реальности // Экономические стратегии. 2019. №3, с. 116–123. DOI: 10.33917/es-3.161.2019.116–123.

56. Топ-8 нападений учеников на школы в России. [Электронный ресурс] NewsNN // URL: <https://newsnn.ru/cards/19-01-2018/top-8-napadeniy-uchenikov-na-shkoly-v-rossii-365dbc3f-2780-4ac0-8964-2005864723be> — (дата обращения 25. 11.2018).

57. Умрюхин Е.А., Судаков К.В. Теория хаоса: преобразующая роль функциональных систем // Российский физиологический журнал. 1997. №5–6, с. 193–198.

58. Фокс С., Хардинг Д.Д. Стрельба в школах как вид организационного отклоняющегося поведения // Социология образования. 2005. №10, с. 42–44.

59. Хогг М. Радикальные изменения. Неопределенность окружающего мира угрожает нашему самоощущению. Люди справляются с этим благодаря увлечению популизмом. [Электронный ресурс] / Пер. С.М. Левензон // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». URL: <http://spkurdyumov.ru/uploads/2019/11/radikalnye-izmeneniya.pdf>.

60. Хренников А. Социальный лазер: применение квантовых информационных и полевых теорий к моделированию социальных процессов. [Электронный ресурс] // Ridero, 2019. URL: Social Laser: Application of Quantum Information and Field Theories to Modeling of Social Processes.

61. Царев Д., Трофимова А., Алодянц А., Хренников А. Фазовые переходы, коллективные эмоции и проблема принятия решений в гетерогенных социальных системах. [Электронный ресурс] // Springer Nature. URL: <https://www.nature.com/articles/>.

62. Цифровая гигиена. Методическое пособие по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. [Электронный ресурс] КРИБРУМ URL: https://saizyral.rtyva.ru/wp-content/uploads/2019/04/Metod_posobie.pdf (Москва, 28 марта 2019 г.).

63. Шайгерова Л.А., Шилко Р.С., Зинченко Ю.П., Долгих А.Г., Ваханцева О.В. Культурная детерминация психического здоровья и психологического благополучия: методологические вопросы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. №2, с. 3–23.

64. Шестаков Е. Трамп объяснил захват китайской компании национальной безопасностью. [Электронный ресурс] Российская газета // URL: <https://rg.ru/2020/08/04/tramp-obiasnil-zahvat-kitajskoj-kompanii-nacionalnoj-bezopasnostiu.html>.

65. ЩербакOVA О.В. Несмешно и непонятно: восприятие современных жанровых особенностей анекдота современными молодыми взрослыми. Вопросы психолингвистики. 2019. №1(39). DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-165-181.

66. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

67. Aitken L. Oosthuizen P. Emsley R. & Seedat S. (2008). Mass Murders: Implications for Mental Health Professionals. *The International Journal of Psychiatry in Medicine*, 38(3), 261–269. doi: 10.2190/PM. 38.3.c.

68. American Psychological Association. (2013). Gun violence: Prediction, prevention, and policy. Retrieved from: <http://www.apa.org/pubs/info/reports/gun-violence-prevention.aspx>.

69. Baird A.A., Roellke E.V., & Zeifman D.M. (2017). Alone and adrift: The association between mass school shootings, school size, and student support. *Social Science Journal*, 54(3), 261–270. doi: 10.1016/j.soscij.2017.01.009.

70. Borum R., Cornell D.G., Modzeleski W., & Jimerson S.R. (2010). What Can Be Done About School Shootings?: A Review of the Evidence. *Educational Researcher*, 39(1), 27–37. doi: 10.3102/0013189X09357620.

71. Bowers, T. G., Holmes, E. S., & Rhom, A. (2010). The Nature of Mass Murder and Autogenic Massacre. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 25(2), 59–66. doi: 10.1007/s11896-009-9059-6.

72. Castells M. Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // *The Network Society: a Cross-Cultural Perspective* / M. Castells, ed. Northampton, MA: Edward Elgar. 2004. P. 3–45.

73. Castells M. *The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol.I.* Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. 1996.

74. Kruger J., Dunning D. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments (англ.) // *Journal of Personality and Social Psychology: journal*. 1999.

75. Dahmen N.S. (2018). Visually Reporting Mass Shootings: U.S. Newspaper Photographic Coverage of Three Mass School Shootings. *American Behavioral Scientist*, 62(2), 163–180. doi: 10.1177/0002764218756921.

76. Davydov D.G. (2015). The Causes of Youth Extremism and Ways to Prevent It in the Educational Environment. *Russian Education & Society*, 57(3), 146–162. doi: 10.1080/10609393.2015.1018745.

77. Davydov D.G., Khlomov K.D. (2018). Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *National Psychological Journal*, 4, 62–76.

78. Douglas, J. E., & Olshaker, M. (1997). *Journey into Darkness*. New York, N.Y.: Scribner.

79. Duplechain R., & Morris R. (2014). SCHOOL VIOLENCE: REPORTED SCHOOL SHOOTINGS AND MAKING SCHOOLS SAFER. *Education*, 135(2), 145–

150. Retrieved from: <http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=100464126=ru&site=ehost-live> (accessed: 25.11.2018).

80. Duwe, G. (2004). The patterns and prevalence of mass murder in twentieth-century America. *Justice Quarterly*, 21(4), 729–761. doi: 10.1080/07418820400095971.

81. Fast J. (2008). *Ceremonial violence: a psychological explanation of school shootings*. Woodstock, NY: Overlook Press.

82. Ferguson C.J., Coulson M., & Barnett J. (2011). Psychological Profiles of School Shooters: Positive Directions and One Big Wrong Turn. *Journal of Police Crisis Negotiations*, 11(2), 141–158. doi: 10.1080/15332586.2011.581523.

83. Fox J.A., & Burstein H. (2010). *Violence and security on campus: From preschool through college*. Santa Barbara, CA: Praeger.

84. Fox J.A., & Levin J. (2003). Mass murder: An analysis of extreme violence. *Journal of Applied Psychoanalytic Studies*, 5(1), 47–64. doi: 10.1023/A:1021051002020.

85. Giles D. (2003). *Media Psychology*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.

86. Harper K., Ryberg R., & Temkin D. (2018). Data sources make it difficult to know how many school shootings happen each year. Retrieved from: <https://www.childtrends.org/data-sources-make-it-difficult-to-know-whether-school-shootings-are-happening-more-often>. (accessed: 25.11.2018).

87. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyakh-pandemii-covid-19/?sphrase_id=35369216.

88. Kaiser D.A. (2006). School Shootings, High School Size, and Neurobiological Considerations. *Journal of Neurotherapy*, 9(3), 101–115. doi: 10.1300/J184v09n03_07.

89. Katsiyannis A., Whitford D.K., & Ennis R.P. (2018). Historical Examination of United States Intentional Mass School Shootings in the 20th and 21st Centuries: Implications for Students, Schools, and Society. *Journal of Child and Family Studies*. doi: 10.1007/s10826-018-1096-2.

90. Kimmel M.S., & Mahler M. (2003). Adolescent masculinity, homophobia, and violence: Random school shootings, 1982–2001. In *American Behavioral Scientist*, 46(10), 1439–1458. doi: 10.1177/0002764203046010010.

91. Klein J. (2012). *The bully society: school shootings and the crisis of bullying in America's schools*. New York: New York University Press.

92. Langman P. (2009). Rampage school shooters: A typology. *Aggression and Violent Behavior*, 14(1), 79–86. doi: 10.1016/j.avb.2008.10.003.

93. Lankford A. (2015). Mass Shooters in the USA, 1966–2010: Differences Between Attackers Who Live and Die. *Justice Quarterly*, 32(2), 360–379. doi: 10.1080/07418825.2013.806675.

94. Leary M.R., Kowalski R.M., Smith L., & Phillips S. (2003). Teasing, rejection and violence: Case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*, 29, 202–214. doi: 10.1002/ab.10061.

95. Lemieux, F. (2014). Effect of Gun Culture and Firearm Laws on Gun Violence and Mass Shootings in the United States: A Multi-Level Quantitative Analysis. *Criminal Justice Sciences (IJCS)*, Vol. 9. Retrieved from: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ208/pdf/PLAW-104publ208.pdf>. (accessed: 25.11.2018).

96. Levin J., & Madfis E. (2009). Mass Murder at School and Cumulative Strain A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1227–1245. doi: 10.1177/0002764209332543.

97. Lévy B.: Logic Does Not Explain Nice Attack — Or Jihad Time. [Электронный ресурс] Time.com // URL: <https://time.com/4410621/nice-attack-bernard-henri-levy/>.

98. Littleton H., Axsom D., & Grills-Taquechel A.E. (2011). Longitudinal evaluation of the relationship between maladaptive trauma coping and distress: examination following the mass shooting at Virginia Tech. *Anxiety Stress and Coping*, 24(3), 273–290. doi: 10.1080/10615806.2010.500722.

99. Malkki L. (2014). Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 185–210. doi: 10.1080/09546553.2014.849933.

100. Maslow A.H. *Motivation and Personality*. New York: Harpaer & Row, 1954.

101. McCauley C., & Moskalkenko S. (2014). Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 69–85. doi: 10.1080/09546553.2014.849916.

102. Meindl J.N., & Ivy J.W. (2017). Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. *American Journal of Public Health*, 107, e1-e3. doi: 10.2105/AJPH.2016.303611.
103. Meloy J.R., Hempel A.G., Mohandie K., Shiva A.A., & Gray B.T. (2001). Offender and offense characteristics of a nonrandom sample of adolescent mass murderers. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 40(6), 719–728. doi: 10.1097/00004583-200106000-00018.
104. Meulemann L. *Public Management and the Metagovernance of Hierarchies, Networks and Markets*. Heidelberg: Physica-Verlag. 2008. 399 p.
105. Newman K., & Fox C. (2009). Repeat Tragedy Rampage Shootings in American High School and College Settings, 2002–2008. *American Behavioral Scientist*, 52(9), 1286–1308. doi: 10.1177/0002764209332546.
106. Newman K.S., Fox C., Roth W., Mehta J., & Harding D. (2004). *Rampage: the social roots of school shootings*. New York, N.Y.: Basic Books.
107. Newman M.E. J. *Networks: an introduction*. Oxford, New York, Auckland: Oxford University Press, 2012. 772 p.
108. Powell W.M. Neither market nor hierarchy: network forms of organization // *Res. Organizational Behavior*. 1990. V. 12. P. 295–336 s41598-019-54296-7.
109. *Prior Knowledge of Potential School-Based Violence: Information students learn may prevent a targeted attack*. (2008). Washington: United States Secret Service and United States Department of Education. Retrieved from: http://www.secretservice.gov/ntac/bystander_study.pdf. (accessed: 25.11.2018).
110. Robertz F.J. (2007). Deadly Dreams: What Motivates School Shootings? *Scientific American*, 18(4), 52–59. doi: 10.1038/scientificamericanmind0807-52.
111. Rocque, M. (2012). Exploring school rampage shootings: Research, theory, and policy. *The Social Science Journal*, 49(3), 304–313. doi: 10.1016/j.soscij.2011.11.001.
112. Seguin M., Chawky N., Lesage A., Boyer R., Guay S.S., Bleau P., & Roy D. (2013). Evaluation of the Dawson College Shooting Psychological Intervention: Moving Toward a Multimodal Extensive Plan. *Psychological Trauma-Theory Research Practice and Policy*, 5(3), 268–276. doi: 10.1037/a0027745.
113. Sethi D., Hughes K., Bellis M., Mitis F., & Racioppi F. (2010). European report on preventing violence and knife crime among young people. WHO, Vol. 17. Copenhagen, Denmark: World Health Organization. Retrieved from <http://www.euro.who.int/pubrequest>. (accessed: 25.11.2018).
114. Sommer F., Fiedler N., Leuschner V., & Scheithauer H. (2016). Strukturen zur Identifikation, Bewertung und Intervention krisenhafter Entwicklungen im Kindes- und Jugendalter. *Zeitschrift Für Kinder- Und Jugendpsychiatrie Und Psychotherapie*, 44(3), 198–207. doi: 10.1024/1422-4917/a000422.
115. Sorensen E. (2013). Violent computer games in the German press. *New Media & Society*, 15(6), 963–981. doi: 10.1177/1461444812460976.
116. Spaaij R.R. (2010). The Enigma of Lone Wolf Terrorism: An Assessment. *Studies in Conflict & Terrorism*, 33(9), 854–870. doi: 10.1080/1057610x.2010.501426.
117. Taquet M., Sierra L., Geddes J. R, Harrison P.J. Bidirectional associations between COVID-19 and psychiatric disorder: retrospective cohort studies of 62354 COVID-19 cases in the USA [Электронный ресурс] // *The Lancet*. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366\(20\)30462-4/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpsy/article/PIIS2215-0366(20)30462-4/fulltext).
118. Thorelli H.B. Networks: between markets and hierarchies // *Strategic Management Journal*. 1986. V. 7. P. 37–51.
119. Towers S., Gomez-Lievano A., Khan M., Mubayi A., & Castillo-Chavez C. (2015). Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS One*, 10(7), e0117259. doi: 10.1371/journal.pone.0117259.
120. Trump K.S. (2000). *Classroom killers? Hallway hostages?: how schools can prevent and manage school crises*. Thousand Oaks, Calif.: Corwin Press; London: Sage.
121. Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C., & Vernberg E. (2008). Assessing adolescents who threaten homicide in schools. *Clinical Social Work Journal*. doi: 10.1007/s10615-007-0101-9.
122. Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C., Otoole M.E., & Vernberg E. (2002). Premeditated mass shootings in schools: threat assessment. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 41(4), 475–477. doi: 10.1097/00004583-200204000-00021.

123. Van Brunt B. (2012). *Ending Campus Violence: New Approaches to Prevention*. New York, NY: Taylor & Francis Group. doi:10.4324/9780203149560.

124. Vicary A.M., & Fraley R.C. (2010). Student Reactions to the Shootings at Virginia Tech and Northern Illinois University: Does Sharing Grief and Support Over the Internet Affect Recovery? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 36(11), 1555–1563. doi: 10.1177/0146167210384880.

125. Vossekuil B., Fein R.A., Reddy M., Borum R., & Modzeleski W. (2002). *The final report and findings of the Safe School Initiative: Implications for the prevention of school attacks in the United States*. Washington, D.C.: U.S. Department of Education, Office of Elementary and Secondary Education, Safe and Drug-Free Schools Program and U.S. Secret Service, National Threat Assessment Center. Retrieved from: http://www.secretservice.gov/ntac/ssi_final_report.pdf. (accessed: 25.11.2018).

126. Weatherby G.A., Strachila S., & McMahon B. (2010). School Shootings: The Deadly Result of Teasing and Ostracism? *Journal of Criminology and Criminal Research & Education*, 2(1), 1–15. Retrieved from: <http://www.scientificjournals.org/Journals2010/articles/1483.pdf>. (accessed: 25.11.2018).

127. Weizsaecker E., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet A Report to the Club of Rome* [Электронный ресурс] Batrachos.com // URL https://batrachos.com/sites/default/files/pictures/Books/Weizsacker_Wijkman_2018_Come%20on.pdf.

128. Wilkinson D.L., & Fagan J. (2001). What we know about Gun use among adolescents. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 4(2), 109–132. doi: 10.1023/A:1011329130712.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Сундиев И.Ю., Фролов А.Б.

ТЕРМИНАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СКУЛШУТИНГА

Ответственный за выпуск *О.П. Ермилина*

Редактор *В.М. Фрадкина*

Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*

Институт экономических стратегий

Телефон издательского центра: +7 (495) 234 4693

E-mail: ines@inesnet.ru

www.inesnet.ru

РПП ИНЭС ИД Р 21111

Отпечатано в типографии «ДМ-Буквэй», Москва

Тираж 300 экз.

Сундиев И.Ю., Фролов А.Б.

С898 Терминальная деструкция через призму скулштинга / И.Ю. Сундиев, А.Б. Фролов. М.: ИНЭС, 2021. – 132 с.

ISBN 978-5-93618-299-0

Книга посвящена анализу терминальной деструкции — новой формы глобальной гибридной войны, при которой используется не столько оружие, направленное на физическое уничтожение людей и материальных ценностей, сколько иные виды оружия: когнитивное, информационное, организационное, социальное, — направленного на трансформацию структуры личности человека. Терминальная деструкция осуществляется с помощью глобальных цифросетевых структур, формирующих тематические группы деструктивной направленности. Явление терминальной деструкции анализируется на примере одной из ее форм — скулштинга (расстрелов в школах и колледжах), т.е. модерации через цифросетевые ресурсы регулярных и географически разнесенных террористических акций, широко освещаемых в традиционных и новых медиа.

УДК 316.472.4
ББК 16.263.2